АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Таинственные магические слова, написанные на пяти основных материалах – дереве, камне, железе, коже и стекле, с давних времен обладают необыкновенной силой…

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Абиссинское заклинание

Наталья Николаевна Александрова

Абиссинское заклинание

Серия «Артефакт & Детектив»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66286376
Абиссинское заклинание. Роман: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-157911-1

Аннотация

Алене крупно не повезло, поругавшись в парнем, она села не в то такси, и ее отвезли в заброшенную промзону, где ее загримировали под пропавшую дочь известного бизнесмена и заставляли зачитать текст от лица похищенной. Алене повсюду попадаются 5 различных материалов со странной волшебной надписью…

Испокон веков существует магический палиндром из пяти волшебных слов, обладающий необыкновенной властью. Тот, кто соберет все пять кусков головоломки, способен стать богом…

Наталья Николаевна Александрова
Абиссинское заклинание
Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Александрова Н. Н., 2021
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

– Ну все, – пробормотала я сквозь стиснутые зубы, – с меня хватит! Видеть больше не могу эту рожу!

Гардеробщик протянул мне пальто, не поведя и бровью. Ну, он на своей должности и не такое небось видел. Ресторан хоть и дорогой, пафосный, но посетители всякие попадаются, и до драки, наверное, доходит. А тут, подумаешь – девица с парнем поругалась. Дело житейское.

Скрипя зубами от злости, я всунула руки в рукава. Шарф вывалился на пол, и я наступила на него.

Показалось или нет, что гардеробщик пренебрежительно хмыкнул? Да наплевать мне на него!

Я обожгла дядьку таким взглядом, что он тут же скрылся за стойкой с одеждой – понял, что чаевых не дождется. А я схватила телефон и вызвала такси. Хорошо, что знала точный адрес, потому что вызывала уже такси от дома сегодня, когда мы собирались ехать в этот ресторан, чтоб он провалился совсем. Хотя не в ресторане дело.

Зазвонил мобильный телефон. Я схватилась за него, как за спасательный круг, взглянула на дисплей.

Это был телефон службы такси, в трубке прозвучал механический голос:

«Через три минуты за вами приедет серый „Рено“ номер…»

Слава богу! Больше не было сил здесь оставаться…

Я застегнула пальто, обмоталась шарфом, сунула появившемуся гардеробщику мелкую купюру, хотя и зря, после чего вышла на улицу.

На улице было красиво, в полной тишине театрально падал снег, вспыхивая под фонарем серебристыми искрами, как в сцене дуэли Ленского и Онегина.

Безобразный скандал в ресторане остался позади, как будто его и не было. Как будто я оказалась в театре. В театре одного зрителя. И этот единственный зритель – я.

В довершение сходства по пустынной улице торопливо шел одинокий прохожий, казалось, сейчас он остановится и запоет: «Куда, куда, куда вы удалились…»

Правда, в отличие от театра, здесь было холодно. Очень холодно. На улице мороз, а я сегодня оделась явно не по сезону. Рома велел явиться в ресторан поприличнее – дескать, не забегаловка какая-нибудь, все там по высшему разряду, никаких джинсов и свитеров. Так что я выбрала платье, хорошо хоть с рукавами, но материал тонкий. Роскошной шубы в пол у меня нету, не заработала, да и зачем она нужна? Есть коротенький полушубочек из искусственного меха. На ногах ботиночки на каблуках, колготки тонкие… Пришлось надеть пальто. Оно длинное, но демисезонное, в такой мороз не греет. И перчаток не взяла – зачем, думаю? На такси туда, на такси домой… вот так вот.

Я подняла воротник пальто, сунула руки в карманы и

огляделась.

Три минуты давно прошли, но серого «Рено» не было, как не было никакой другой машины. Одинокий прохожий скрылся за углом, и я осталась одна. Казалось, город вымер. Даже музыки из ресторана не было слышно.

Я снова достала телефон, набрала номер вызова такси.

Механический голос повторил, как и в прошлый раз:

«Через три минуты за вами приедет серый „Рено“ номер…»

Да что они, издеваются?

Я была слишком легко одета для долгого ожидания на морозе. Ну да, я одевалась для вечера в ресторане, а не для зимней прогулки…

Вернуться обратно, в тепло?

Нет, ни за что! Снова увидеть Ромку, его наглую, самодовольную физиономию… он примет мое возвращение за признание безоговорочной капитуляции!

Снег усилился, теперь он падал так густо, что в нескольких метрах ничего не было видно. Через несколько минут я превращусь в снеговика, точнее – в снежную бабу…

Холод проник под пальто, пробежал по спине ледяными пальцами… зубы застучали… а я-то думала, что это художественный прием, преувеличение! Еще немного – и я просто примерзну к месту, не в силах пошевелиться!

И тут наконец из-за белого занавеса метели, сияя фарами, вынырнула серая машина. Продолжая театральные ассоциа-

ции – как волшебная карета Золушки…

Я бросилась к ней, распахнула дверцу…

– Елена? – спросил водитель.

– Елена, Елена! – Я не люблю свое полное имя, но сейчас готова была согласиться на что угодно.

Я плюхнулась на заднее сиденье, захлопнула дверцу и облегченно вздохнула – в машине было тепло. Хотя и пахло неприятной отдушкой, какой-то парфюмерной сладкой смесью с хвойной нотой, но мне уже было все равно. Все части тела потихоньку оттаивали, ноги как будто покалывало иголками. Ничего, раз чувствую – значит, не отморозила…

Я прикрыла глаза и против воли стала вспоминать прошедший вечер…

«С меня хватит! – прежде всего подумала я. – Вот теперь с меня точно хватит! Лопнуло мое терпение!»

Ну, сами посудите, как такое можно терпеть? Рома совершенно обнаглел, причем если раньше он позволял себе хамство только дома, когда мы были одни, так сказать, не при свидетелях, то сегодня устроил грандиозный скандал при всем честном народе, и главное, с чего? Да просто так, на пустом месте!

Нельзя сказать, что для меня это было полной неожиданностью. Потому что в последнее время Рома стал просто невозможен. И я уже несколько раз подумывала о том, чтобы с ним расстаться. Но все медлила, и тому были причины.

Только не подумайте, что я страстно люблю Рому и боюсь его потерять. Вот уж чего нет – того нет. Впрочем, когда мы с ним познакомились, Рома мне даже понравился. Такой смешной, лохматый, толстый, как медвежонок Винни Пух.

Одевался он зимой и летом в клетчатые шерстяные рубашки, которые даже новые мигом принимали поношенный вид. Вообще-то Рома – неряха, каких мало, он вечно ест гамбургеры, когда сидит за компьютером, и вытирает жирные пальцы о рубашку. При этом голос у Ромы мягкий, речь правильная, без мата и разных междометий, которые некоторые вставляют всегда не к месту, и смех приятный.

А что вы думаете? То, как смеется человек, очень четко его характеризует. Вот смотришь иногда: вроде бы и всем хорош парень – симпатичный, веселый – а как засмеется – ой, будто лошадь ржет. Некоторые хихикают противно, у некоторых глаза как щелочки становятся…

Так вот, у Ромы ничего этого не было, обычный смех. И еще Рома был не дурак, то есть мог поддерживать разговор, а иногда с ним было даже интересно разговаривать.

Короче, Рома мне понравился. И я ему тоже, потому что он не стал стесняться и сказал мне об этом прямо буквально во вторую нашу встречу. То есть пригласил к себе домой и предложил остаться. Не на одну ночь, а на неопределенно долгий срок.

Я, конечно, удивилась, но не стала сразу отказываться, а решила провести разведку на местности, чтобы понять,

в чем тут подвох. Потому что, скажу честно, я – девушка серьезная и неглупая, и не то чтобы некрасивая, но самая обычная. Все у меня на месте, никаких особых недостатков в лице и фигуре не имею, но к своей внешности отношусь не то чтобы критически, но без лишнего фанатизма. Или пиетета, как говорит моя мама.

Она всю жизнь проработала учителем русского языка и литературы, причем в одной и той же школе, отсюда и всевозможные старорежимные словечки и выражения, которые мама упорно вставляет в свою речь.

Она считает, что так можно спасти наш Великий и Могучий язык от умирания. И что нужно сеять разумное, доброе, вечное. И поскольку до восемнадцати лет мы с ней жили вместе, то и у меня изредка проскальзывает такое, что некоторые мои ровесники недоуменно поднимают брови – ты вообще о чем?

Так вот, скажу сразу, что Рома так никогда не делал, он кое в чем разбирался. А возможно, просто меня не слушал…

Но на мое решение поселиться с ним в одной квартире (как мама бы сказала, «соединить с ним свою жизнь, хотя бы на какое-то время») повлияло не это.

У Ромы была своя собственная квартира. Забыла сказать, что я – из провинции. Родилась в далеком городе за Уральскими горами, там и прожила до окончания школы. И хоть город у нас большой, есть в нем и свой университет, но я захотела учиться в Петербурге. Мама была не очень довольна,

поначалу меня отговаривала, но потом сказала, что найдет деньги, чтобы присылать мне во время обучения. Училась я на бесплатном отделении, потому что сдала все экзамены на «отлично», говорила уже, что я умная (шучу, конечно). А кроме шуток, сдавала я на математический, а там уж надо в голове кое-что иметь.

О литературе мама со мной и не заговаривала – хватило мне этого Великого и Могучего за все годы жизни с мамой.

Так вот, сначала я жила в общежитии, потом снимали с девчонками квартиру на троих, потом, когда закончили, все разбрелись кто куда. Парни все поголовно пошли в программисты. Девушек было у нас и так немного, кто-то уехал, одна сразу вышла замуж и родила, остальные пошли работать в школу.

Насчет школы я выяснила еще раньше, когда подрабатывала там на третьем курсе: это не мое. И точка. Вопрос не обсуждается. Потому что выносить сборище орущих, визжащих, хамских, скандальных детей больше пяти минут я не в состоянии. У меня начинаются мигрень, усиленное сердцебиение и нервная почесуха.

Программирование – это образ жизни, причем очень специфический, так что если смотреть на вещи реально, то это тоже не мое. Можно, конечно, найти работу – после математического факультета возьмут в какую-нибудь фирму, но денег положат мало, а работать там нужно будет много. И ничего интересного.

Возможно, некоторые скажут, что не в моем положении выбирать. Дескать, из родителей у меня одна мама – бюджетная училка, да и то где-то далеко за Уралом, обеспеченный муж в ближайшем будущем не маячит, квартиры своей нету…

Все, конечно, так, но я решила все же пока подождать с окончательным решением и перебиваться на случайных работах.

Мужа одной девчонки с нашего курса послали на стажировку на год. Она страшно обрадовалась, уволилась из опостылевшей школы и поехала с ним. А перед этим рекомендовала меня на свое место репетитора к паре-тройке учеников. Те приняли меня охотно – все же не с улицы пришедшая и не в Интернете найденная.

В итоге голодная смерть мне не грозила, потом появились еще ученики, так что я подумывала даже о том, чтобы снять квартиру для себя одной и зажить в относительной тишине, чистоте и покое.

И тут встретились мы с Ромой. Познакомил нас приятель. Оказалось, Рома учился тоже на математическом, только шестью годами раньше, оттого во время учебы я его не знала. А не заметить Рому было трудно – как я уже говорила, он весил почти сто килограммов, носил шерстяные клетчатые рубашки и имел буйные волосы до плеч.

В общем, на вечеринке мы разговорились, потом встретились пару раз в городе, после чего Рома и сделал мне предло-

жение – не замуж, конечно, но жить с ним в одной квартире.

Потом-то я поняла, что ему просто лень было за мной долго ухаживать, да он понятия не имел, как это делается. В кино ходят только подростки, на рестораны у Ромы не было денег, не приглашать же девушку в «Макдоналдс» или во что-то похожее.

Слово «театр» в Ромином лексиконе принципиально отсутствует, равно как и слово «спорт». От громкой музыки у него может случиться несварение желудка, в музеи Рома не ходит, потому что от долгого хождения у него болят ноги (не забываем про сто килограммов) – короче, он выбрал самый простой вариант, и если бы я отказалась, он бы не слишком расстроился.

Но я не отказалась. И знаю, что было тому причиной (снова мамин оборот речи).

Дело в квартире. То есть не в том, что она у Ромы была своя. Родители оставили ему ее, а сами купили себе трехкомнатную в новом доме. То есть это, конечно, веская причина, но не она заставила меня поселиться у Ромы. Конечно, у меня с жильем и вовсе никак, но, в конце концов, можно было поднапрячься, взять еще несколько учеников, чтобы оплачивать скромную однушку.

Все дело было в квартире. Именно в этой самой квартире. Располагалась она в центре, дом был старый и довольно запущенный. Не совсем, конечно, но это я поняла только потом. А когда Рома привел меня в первый раз, да еще в тем-

ноте, то дом я не разглядела. Вход в подъезд был со двора, но сначала нужно было пройти абсолютно темную подворотню, и были там ворота, которые по идее должны были закрываться на кодовый замок, но не закрывались. Посему пахло в подворотне соответственно, и я боялась наступить на продукты жизнедеятельности местных собак, а может, и людей. Обошлось.

В подъезде же было на удивление чисто. Стены покрашены бежевой краской, и под потолком висел хоть дешевый, но светильник, а не лампочка Ильича в жестяном наморднике. И был даже лифт – крошечная кабина, куда помещались два человека нормальной комплекции, а если Рома – то он один.

«Но это не важно, – сказал Рома, – лифт все равно никогда не работает».

Мы долго поднимались по лестнице, и после третьего этажа цивилизация закончилась.

Теперь окружающие стены были темные, с облупившейся штукатуркой, покрытые надписями и рисунками, как в пещере, где была стоянка доисторического человека. Только вместо охоты на мамонта там были неприличные слова.

Я особо не приглядывалась, потому что под ногами были выщербленные ступени, политые чем-то липким, и еще шмыгнул мимо кто-то серый, я понадеялась, что кошка.

Потом уже я выяснила, что когда-то давно в квартире на втором этаже жил один человек, который пытался сделать мир лучше. И начинать решил со своего подъезда. На пер-

вом этаже располагалась багетная мастерская, так что они отремонтировали низ за свой счет, остальные соседи денег на ремонт дать отказались. Активный жилец нашел понимание только у соседей сверху. Так и получилось: покрасили только три этажа, остальные остались как были. Тот жилец потом все-таки съехал, надорвав силы в бесконечной борьбе с ЖЭКом.

Квартира Ромы находилась на последнем, пятом, этаже, лампочки на площадке не было вовсе. В неверном свете телефона я увидела довольно солидную железную дверь. Рядом с дверью на стене располагалась надпись черной краской: «Пищик – козел!» И ниже, красным, аккуратными буквами: «Одобряю». И еще ниже, теперь зеленой краской, и почерк другой, размашистый: «Одобряю и поддерживаю».

И уж в самом низу, почти над полом, процарапана штукатурка чем-то острым: «Сами вы козлы!»

Фамилия Ромы была Пищиков, так что все ясно.

Как опять-таки выяснилось позже, дверь была единственная новая вещь в Роминой квартире, как видно, родители его решили не заморачиваться с ремонтом, раз все равно переехали.

Крошечная прихожая была жутко захламлена, и пахнуло от меня оттуда помойкой и нестираными мужскими носками.

Рома привычно шагнул вперед и включил свет.

– Ты… это… – тут он увидел выражение моего лица, ко-

торое я не смогла скрыть. – Извини, конечно, за беспорядок, но я уж привык так жить…

«Да, „привычка свыше нам дана…“» – процитировала я мысленно. Это снова мамино, она вечно цитирует классиков.

Но я ничего не ответила Роме. Потому что смотрела на лампу. Точнее, это была не лампа, а бра. Оно висело на стене, напротив двери над зеркалом. Зеркало самое обычное – простой прямоугольник без рамы, да еще и с трещиной посредине, неровно заклеенной скотчем. Но бра… два молочно-белых абажура в форме тюльпанов. Собственно, белыми они были когда-то, теперь же посерели от грязи. И два витых стебля потемневшего тускло-золотистого металла. Эти причудливо изогнутые лепестки… меня вдруг пронзило чувство, что я их уже видела. Дежавю…

Горела только одна часть, второй абажур был отбит. И бронзовая бомбошка выключателя отсутствовала, был просто обрывок шнура, обмотанный изолентой.

Я потрясла головой и наклонилась, чтобы найти тапочки. Но Рома протопал прямо в уличных ботинках, так что я последовала его примеру без зазрения совести.

Планировка квартиры была необычная – две большие комнаты, кухня, узкая, как пенал, и без окон, и крошечная ванная, вмещавшая в себя унитаз и душ с поддоном – кабинка сюда бы не влезла.

Но все это я изучила потом, а тогда, в первый раз, Рома провел меня в комнату, где он обосновался, потому что вто-

рая, как выяснилось позже, была захламлена до такой степени, что даже дверь туда открывалась только наполовину.

Рома работал дома, удаленно, заказы брал время от времени и довольно случайно. Сказать, что в комнате, где он обитал, был беспорядок – значит, ничего не сказать.

Во-первых, жуткая духота, Рома никогда не проветривал. Форточки в этой квартире располагались высоко, чтобы открыть их, нужно было встать на стул, а после того, как Рома сломал три стула (сто килограммов!), он решил оставить все как есть.

Во-вторых, на полу валялась одежда вперемешку с коробками от пиццы, разными бумагами, кроссовками, теннисными мячиками и компьютерными дисками.

На старом разложенном диване лежала скомканная постель, и при виде серых простыней меня затошнило и захотелось немедленно покинуть этот гадюшник.

Да этот Рома просто ненормальный, если приглашает сюда девушек!

Но когда я подняла глаза, то увидела потолок. Удивительно гладкий и ровный, только сероватый от пыли. И паутина по углам. А под паутиной по периметру потолка была такая штука… потом я узнала, что она называется бордюр… так вот он был весь лепной – цветы, листья, и узор повторялся. То есть потом я разглядела этот бордюр как следует, очистив от паутины, а тогда, в первый раз, меня снова пронзило чувство, что я его уже видела.

Я даже головой потрясла, до того удивилась, так что Рома расстроился, сообразив, что я сейчас уйду.

Но я не ушла. Ни тогда, ни потом. Потому что, по мере того как я обживалась в Роминой квартире, я находила все больше вещей, которые мне были знакомы.

То есть мне так казалось, потому что я твердо знала, что никак не могла видеть, к примеру, в ванной крошечное окошко круглой формы, как корабельный иллюминатор. Ну да, на кухне окон не было совсем, а в ванной было одно, такая уж квартира.

Зато на кухне была печь. Ну да, самая настоящая печь, очень большая, которая занимала целый угол. Прямоугольной формы, вся покрыта темно-зелеными изразцами. Правда, когда у меня дошли руки и я отмыла печь, изразцы оказались светло-сине-зеленого цвета. И на ощупь не гладкие, а волнистые. Было приятно их гладить.

И вот, когда я стояла там, возле печки, меня снова пронзило то чувство, что когда-то такое уже было, что я вот так же гладила эти изразцы и рассматривала причудливые извивы. Дежавю…

Рома сказал, что вроде бы когда-то давно на всем этаже была одна очень большая квартира и ее разделили пополам. Но он этого не помнит, они всегда так жили. Родители – в той комнате, а он – здесь. Еще бабушка была, но она умерла давно.

Или же никак я не могла видеть раньше круглую нишу в

той, родительской, комнате, туда нужно было подняться по трем вытертым ступенькам, и на одной из них кусок дерева был отколот, и раньше, Рома сказал, торчал оттуда гвоздь, и он однажды так рассек колено, что отец вообще спилил кусок ступеньки.

И снова меня пронзило странное чувство – как будто это я спотыкаюсь и падаю, от ступеньки отлетает плашка, и гвоздь глубоко пропарывает мне коленку.

Раньше, сказал Рома, у родителей стояла тут кровать, но они забрали ее с собой. Так что это была не просто ниша, а альков. Теперь же ниша была завалена разным хламом – тремя ломаными стульями, коробками, старым телевизором, да и вся комната тоже не блистала чистотой.

Было такое чувство, что за полтора года, когда Рома жил здесь один, он просто складывал в эту комнату все, что ему было не нужно в данный момент: зимнюю обувь, чьи-то старые лыжи (как я уже говорила, Рома и спорт – две вещи несовместные), сломанную кофеварку, прожженный во многих местах клетчатый шерстяной плед и тому подобные вовсе уж бесполезные вещи.

Еще в комнате был огромный платяной шкаф, куда Рома очень не советовал мне заглядывать, сказал, что и ключ давно потерял, круглый стол на одной ноге, комод без ручек и кресло без подлокотников.

«Все бабушкино, допотопное, – сказал Рома, – родители, уезжая, велели выбросить, да мне некогда».

Некогда! Сказал бы уж честно, что просто лень!

Так или иначе, я стала жить у Ромы. И даже привыкла к нему. Ведь если не обращать внимания на его ужасающую лень и неряшливость, Рома был вовсе не плохим парнем.

Я решила, что его можно перевоспитать, то есть взыграли во мне мамины педагогические принципы.

Но главное – не это. Главное то, что меня приняла квартира. Вот именно в этой квартире я чувствовала себя своей. Мне было там хорошо и комфортно. Я хотела привести ее в порядок и совершенно не боялась трудностей, правильно сообразив, что Рома мне в этом деле не помощник. Мне помогала сама квартира.

Ни разу за все мои мучения с уборкой я не поранилась, ничего не свалилось мне на голову, никакой табурет не подломился подо мной, даже простой царапины я не получила, ни один ноготь не сломала.

Квартира меня берегла и любила, и я платила ей тем же.

После первой уборки начерно я выбросила кое-что совсем уж бесполезное и взялась за Рому.

Я купила ему пару новых клетчатых рубашек, а также белье, подстригла волосы самолично, так как в парикмахерскую он пойти категорически отказался, и навсегда изгнала из его рациона пиццу и гамбургеры.

Рома ворчал, но в конце концов согласился. И признался мне нехотя, что обновленный внешний вид даже помог ему в работе, поскольку теперь заказчики перестали шарахаться

от такого чучела.

После Ромы я с новыми силами принялась за квартиру. Очистила бывшую комнату родителей от мусора и приступила к платяному шкафу.

Открыть его помог сосед дядя Вася, который познакомился со мной внизу у подъезда.

Дядя Вася был тихий алкоголик с золотыми руками. После смерти жены он потихоньку опускался все ниже и ниже, но в относительно трезвом состоянии мог сделать что-то полезное.

Дверцы шкафа он открыл без труда, выпустив на свет тучу моли, так что я сложила все, что было в шкафу, в три мусорных мешка, и дядя Вася вынес их на помойку.

Я рассудила, что, если бы было в шкафу что-то ценное, родители Роме бы это не оставили.

После чего дядя Вася вернулся и разобрал шкаф по винтику, да еще и продал дубовые дверцы художнику, который держал мастерскую в соседнем доме на шестом этаже. Дома наши соприкасались, так что из своего большого окна он сделал дверь и мог выйти на крышу. Огородил пространство живописным заборчиком, поставил мангал и два шезлонга и летом прекрасно проводил время в промежутках между живописью. Прямо как на даче. А дверцы Роминого шкафа он расписал цветами и фантастическими птицами и продал одному дизайнеру, тот как раз оформлял новое арт-кафе.

Итак, после того как в комнате стало свободно, я обмела

паутину на потолке, вымыла засаленный паркет и в самом углу нашла полочку с книжками. Книжки были детские, порванные, довольно старые, очевидно, в этом доме ничего не выбрасывали.

Мама тоже никогда не выбрасывала книги, говорила, что рука не поднимается, разве только совсем уж устаревшие учебники.

Я просмотрела книжки наскоро, и снова пронзило меня то же странное чувство – дежавю.

Андерсен, «Снежная королева». Я уже видела эту книжку! Причем именно эту – старую, выпущенную задолго до моего рождения. Эти очень знакомые рисунки… вот на картинке девочка и мальчик смотрят друг на друга через открытые окна, а в ящиках цветут розы… Вот Снежная королева велит Каю сложить из ледяных кусочков слово «Вечность», а он совсем синий…

– Чьи книжки, – спросила я Рому, – твои?

– Это старье? – удивился он. – Да еще родительские, наверно…

К тому времени я уже выяснила, что книг Рома не читает. То есть читает в компьютере то, что нужно ему по работе. И еще слушает разные подкасты. Говорила уже, что Рома не совсем серый.

Но в детстве, наверное, все же что-то читал… А сейчас забыл.

Меня же мама приучила к книгам. Она считала, что, если

все будут читать бумажную классику, то можно спасти наш Великий и Могучий… ну, про это я уже говорила.

В общем, время шло, я занималась своими уроками и квартирой, а с Ромой мы вполне сносно существовали.

До тех пор пока один мой ученик, которому Рома помог установить какую-то сложную компьютерную программу, не порекомендовал его своему отцу, владельцу крупной фирмы – разработчику программного обеспечения. И Рома согласился, поскольку там обещали очень приличные деньги.

И вот тут-то все и началось. К тому времени Рома похудел на моей диете килограммов на пятнадцать и выглядел неплохо. Прежде всего он отказался от шерстяных рубашек и трикотажных штанов, а купил себе приличные джинсы, пару свитеров и даже костюм.

К этому я отнеслась с пониманием и даже сводила его в свой салон, где Рому привели в приличный вид. Он даже посетил стоматолога, что до этого было делом неслыханным.

В первое время я радовалась такой метаморфозе, как и тому, что Рома теперь не торчит целыми днями дома и не требует калорийного четырехразового питания.

Дальше дело пошло хуже. Рома стал необыкновенно противным: раздражался по самому пустяковому поводу, устраивал мне классические выволочки по поводу недожаренных котлет и недоглаженных рубашек. Поначалу мне было смешно – это Рома, толстый неряшливый Рома! Когда он успел так перемениться? Потом это стало немного напрягать – ну,

устает человек с непривычки, поменял работу, там другие требования, но я-то при чем?

А уж когда Рома стал откровенно хамить и меня оскорблять – тут я задумалась, не пора ли прекратить это безобразие. Что это, в самом деле, – «подай, принеси, ты – никто и звать никак, живешь в этой квартире из милости, да я могу выгнать тебя в любой момент…».

Правда, потом извинялся, когда есть захочет.

Когда-то, в самом начале нашего совместного житья, я шла по двору и увидела, что рядом с дядей Васей курит какой-то парень.

Пришлось остановиться, поскольку дядя Вася отвлек меня каким-то хозяйственным вопросом.

– Ты, что ли, с Пищиком теперь живешь? – спросил парень, внимательно оглядев меня.

Мне захотелось послать его подальше, но из-за дяди Васи было нельзя.

Парень был одет плоховато, небрит, и пахло от него пóтом и легким перегаром.

– Леня, – он сунул мне грязноватую потную ладонь.

Или Веня, я не расслышала.

– Алена, – нехотя вымолвила я.

Полное мое имя Елена, но я его не люблю, так что Леной никогда не представляюсь. Мама звала меня Алей, в школе – Аленой.

– Мы с ним в школе вместе учились. – Парень блеснул

глазами, и я уверилась, что та надпись возле Роминой двери имеет к парню самое прямое отношение.

Я не стала развивать эту тему и спрашивать, какой Рома был в школе. Этот Леня или Веня начнет болтать, потом попросит на пиво… – нет, такие приятели нам не нужны.

Я посмотрела очень выразительно: поношенная одежда, давно не мылся, днем торчит во дворе, стало быть, и работы приличной нет, а у Ромы своя квартира, хорошо оплачиваемая работа, девушка… так кто же из них козел?

И ушла. А теперь вот думаю, что, может, этот Леня или Веня был прав? И люди не меняются? То есть как был в детстве козлом – там им и остался? Только притих, маскировался, а теперь вот просочилось…

В общем, я решила, что долго такое обращение не выдержу. И не настолько я люблю Рому, чтобы это терпеть. Жалко, конечно, квартиру, столько сил в нее вложила, и как же она будет без меня… Но так жить нельзя!

И я порасспрашивала родителей своих учеников, не сдает ли кто квартиру подешевле. И одна мама очень симпатичного хулигана Петьки сказала, что ее двоюродный брат как раз собирается сдавать. Он продал квартиру умершей матери, купил другую поближе к себе и теперь делает там ремонт, а как только закончит – то сразу и сдаст. Много не запросит, брат – человек нежадный. Семьи у него нет, так что дело буду иметь только с ним.

Выслушав такой подробный и детальный рассказ, я при-

задумалась – сватает меня Петина мамаша, что ли. Но Рома как раз устроил очередной скандал, и я решила, что с меня хватит.

Я позвонила этому самому двоюродному брату, и он сказал, что еще дня два, не больше. На том и договорились.

И тут Рома пригласил меня в ресторан. У его фирмы был какой-то там юбилей, по такому случаю заказали приличный ресторан и пригласили всех парами. Хозяин сказал, что тогда все будет чинно-прилично, никто особо не напьется и никаких эксцессов не будет.

Я идти не хотела – не такие у нас теперь с Ромой отношения, но представила, как он будет орать и ругаться, в прошлый раз даже посуду побил, уж не помню, к чему прицепился. А мне нужно еще пару дней продержаться, потом тихонько, без шума собрать вещи и смыться, не выясняя никаких отношений. Как говорит моя мама: что разбито – то не склеить…

Оделась поприличнее – платье, стильные ботиночки, пальто легкое. Лучше бы пуховик и валенки нацепила, все равно этот козел Ромка устроил скандал.

Все начиналось вполне прилично – тосты, речи, еда вроде бы ничего. Ромка ел и молчал, поскольку он в фирме человек новый. Потом, когда сделали перерыв перед горячим, все вышли освежиться. Там музыка играла, но танцевали мало, больше разговаривали группами.

Рома куда-то исчез, а ко мне подошла жена хозяина фир-

мы. Я обрадовалась, потому что никого, кроме нее, на этом сборище не знала.

Мы поговорили об успехах ее сына, поболтали о пустяках, потом ее позвали, а я отправилась искать Рому. И нашла его в закутке перед гардеробом. Он обжимался с какой-то девицей – так, ничего особенного, вроде нетолстая, росту среднего, лица я не видела.

Рома увидел меня и отпустил девицу. А я и хотела бы тихо уйти, да тут негде было развернуться, слишком поздно их заметила. Нашли тоже место, люди же ходят все время. Тут – гардероб, тут – туалет, там – дверь на улицу.

Девица сказала Роме что-то на ухо, развернулась на каблуках и рванула мимо меня в зал. Была она дико злая, может, боялась, что я ей сейчас в волосы вцеплюсь? Да больно надо!

Я фыркнула и хотела спросить Рому, не пора ли нам домой, но он налетел на меня, как ураган, как тайфун, как цунами.

Ей-богу, прожила с ним почти два года и понятия не имела, что у этого тюфяка такой темперамент!

Как он орал! Какими словами меня обзывал, как обещал, что выгонит меня на улицу вот тотчас же, как только вернемся. А поскольку до знакомства со мной у меня ничего не было своего, то уйду я голой. Потому что я такая-сякая и так далее. Готовить не умею, и вечно у меня все пересолено.

Это я еще пересказываю не в подробностях, а своими приличными словами. Самое отвратительное, что я не могла да-

же ему достойно ответить. Дома я бы стукнула его чем попало, и пускай радуется, что мы не на кухне и не попал мне в руки разделочный нож. А тут как подерешься? На его сотрудников мне плевать, но охрана ресторана накостыляет, а могут и в полицию сдать.

И уйти я не могла, этот урод уже себя не помнил и обязательно потащился бы за мной в зал.

Наконец он выпустил пар и ушел, а я рванула в гардероб. Хорошо, что хватило ума хранить номерок у себя!

– Приехали! – проговорил водитель, повернувшись ко мне, и включил свет в салоне, чтобы я могла рассчитаться.

– А? – Я встрепенулась и потрясла головой. Надо же, как меня развезло в тепле…

Я с трудом отстранилась от своих мыслей, заплатила ему и нехотя выбралась из теплой машины в метель…

И растерянно завертела головой.

Я была вовсе не возле своего дома. То есть не возле дома Романа. Водитель привез меня в совершенно незнакомое место. Казалось, это был незнакомый город, да и город ли – из-за белесого занавеса метели выглядывали какие-то слепые, без единого светящегося окна корпуса. Только в одном месте сквозь снежную пелену проглядывало красноватое пятно вывески.

Я обернулась, чтобы высказать все водителю – но машина уже фыркнула и исчезла в снежном водовороте.

Тут я вспомнила, что водитель не уточнил адрес, когда я села к нему, и чуть не заплакала от обиды и беспомощности.

Ну за что мне это?

Впрочем, сама виновата – прежде чем платить и выходить из машины, нужно было убедиться, что меня привезли куда нужно… вот теперь придется расплачиваться за собственную рассеянность!

Ну уж как не повезет, так надолго. И вообще нужно было не вспоминать свою жизнь, а по сторонам смотреть, а то расслабилась, стала себя жалеть. Нашла время!

Нет, только не впадать в панику!

Сейчас я снова вызову такси и на этот раз буду смотреть, куда меня везут!

Я достала телефон – слава богу, он не разрядился, и сигнал сети здесь был, но тут до меня дошло, что первым делом диспетчер спросит, откуда меня забрать, а я понятия не имею, где нахожусь.

Черт, черт, ну что же это такое?

Вокруг – ни души, и эти мертвые темные корпуса ничего мне не говорят…

Единственный признак человеческого существования – просвечивающая сквозь снежную пелену вывеска. Там, где вывеска, там должны быть люди, и они наверняка скажут мне свой адрес…

Мне ничего другого не оставалось – и я пошла сквозь метель на этот красноватый свет.

Было жутко холодно, ноги проваливались в снег, мои изящные ботинки явно не годились для такой прогулки.

К счастью, идти было недалеко.

Скоро вывеска отчетливо проступила сквозь метель.

Это было одно-единственное слово, странное, бессмысленное слово – «AREPO». Что это – ресторан? Гостиница? Клуб?

Да не все ли равно? Мне от них нужно только одно – узнать, где я нахожусь. Хотя, если там можно обогреться и выпить чашку горячего чая, это было бы здорово… да и ждать такси было бы гораздо лучше в тепле, а не на морозе…

Я сделала еще несколько шагов и оказалась перед дверью.

Дверь была закрыта. Дверь была глухая, металлическая. На ресторан совсем не похоже. Но мне было уже все равно. Рядом с ней была кнопка звонка – и я позвонила.

И тут же поняла, что никто мне не откроет.

Наверняка это странное заведение давно закрыто, все люди разошлись по домам, а вывеску просто забыли выключить. Или она у них горит круглосуточно.

И когда меня уже захлестнуло отчаяние – дверь открылась, выпустив наружу облако тепла и света.

– Слава богу! – проговорила я, шагнув в это облако. – Хорошо, что вы не ушли!

Мне никто не ответил.

Я сделала еще шаг, и еще один – дверь за мной закрылась, и я поняла, что стою в тускло освещенном помещении, от-

куда уходит длинный коридор. И никого рядом со мной не было.

Видимо, тот, кто открыл мне дверь, находится дальше по этому коридору. Но здесь было по крайней мере тепло, и я пошла вперед, надеясь все же найти живых людей. Неудобно, конечно, получилось, что я вроде как без спроса, но ведь они сами открыли мне двери… Извинюсь, вызову такси да и пойду.

От тепла и усталости меня почти сморило, перед глазами поплыли цветные пятна.

Я встряхнула головой, чтобы сбросить этот сонный морок и прийти в себя, прибавила шагу.

Я прошла по коридору совсем недалеко, как вдруг справа распахнулась неприметная дверь, из нее появился озабоченный мужчина в темном костюме, с прижатым к уху мобильным телефоном, в который он торопливо говорил:

– Да, приехала, приехала… ну да, только сейчас… да, совершенно верно…

– Скажите… – начала я, но незнакомец сделал страшные глаза, прижал палец к губам и проговорил в телефон:

– Конечно, все будет как мы договорились! Не сомневайтесь! Ну, мы же с вами обо всем договорились!

Тут из-за его спины показалась такая же озабоченная женщина лет сорока в коротком розовом халате.

Не отнимая трубку от уха, мужчина показал ей на меня и проговорил одними губами:

– Скорее!

Женщина подхватила меня под локоть и, ничего не говоря, втащила в комнату.

– Куда мы? – пробормотала я растерянно. – Зачем мы? Почему? Скажите мне только ваш адрес, и я…

– Потом, все потом! – оборвала меня женщина, к которой тут же присоединилась еще одна, моложе и полнее, в таком же розовом халате. Вдвоем они стащили с меня пальто и усадили в кресло вроде парикмахерского. Вообще это было очень похоже на салон красоты – передо мной было большое зеркало с подсветкой и столик, на котором стояли разные флаконы и баночки.

А две женщины крутились вокруг меня, орудуя кисточками и пуховками, и при этом переговаривались:

– Здесь нужно немного подобрать… а здесь добавить тона… а волосы можно оставить как есть. Почему он говорил, что нужен парик? Никакой парик не нужен! Причесать только как надо и гелем смазать, чтобы не так пышно, да и отлично будет! А цвет – просто один в один!

Тут я увидела, что к зеркалу сбоку прикреплена фотография молодой женщины, немного похожей на меня, и те две странные особы в процессе работы то и дело поглядывали то на эту фотографию, то на мое отражение. И с удивлением поняла, что с каждой минутой становлюсь все больше похожа на фотографию.

– Да что вы такое делаете? – взмолилась я наконец. – За-

чем это все? Кто вы такие?

Женщины переглянулись, но ничего мне не ответили.

Тут я увидела в зеркале, что к нам подошел тот мужчина, который прежде разговаривал по телефону. Он остановился у меня за спиной и озабоченно проговорил:

– Времени совсем нет! Ну что?

– Ну, посмотрите сами, – ответила ему старшая из женщин и развернула меня вместе с креслом, так что я оказалась лицом к мужчине.

Он оглядел меня, как покупку в магазине, и кивнул:

– Ничего, сойдет.

– Что – сойдет? – переспросила я обиженно. – О чем это вы? Может, вы мне наконец объясните, что происходит?..

Но он меня, похоже, не слушал. Он взглянул на старшую женщину и проговорил:

– Все, пора, времени нет! Веди ее в студию!

Он вышел, а женщина еще раз оглядела меня, как-то странно вздохнула и сказала:

– Ну, пойдем уже!

– Куда? – переспросила я. – Скажите наконец, чего вы от меня хотите, и вообще, что это за место…

– Некогда разговаривать! – ответила она с неожиданным раздражением. – Мы опаздываем! И вообще, с ним разбирайся! Я тут ничего не решаю! Пойдем!

Я, уже вовсе ничего не понимая, поднялась из кресла, женщина за руку вывела меня в коридор.

Я не сопротивлялась, потому что от усталости и волнений была уже на грани обморока.

Ноги ныли и плохо меня слушались – отморозила я их, что ли? Только этого не хватало!

Мы прошли по коридору совсем немного и вошли в другую комнату. Комната была такая же пустая и голая, как первая. Посреди этой комнаты стояло еще одно кресло – на этот раз не парикмахерское, а обычное, старое, деревянное, с резной спинкой и фигурными подлокотниками. Напротив этого кресла была установлена телевизионная камера и стойка с лампами. Меня усадили в это кресло, появился прежний мужчина и протянул мне листок:

– Прочитай и запомни!

Я удивленно взяла листок, пытаясь понять, что вообще здесь происходит. Может быть, я попала на какой-то кастинг, а этот мужчина – режиссер? Может быть, здесь подбирают актеров для какого-то телевизионного сериала? Но почему этот кастинг проходит в таком странном месте и в такое позднее время? И вообще, неплохо бы спросить меня, согласна ли я…

– Прочитай! – повторил мужчина.

Я опустила глаза и прочла текст на листке, надеясь, что он мне что-нибудь объяснит.

«Пожалуйста, сделай то, что они просят, тогда со мной все будет в порядке. Пока со мной обращаются хорошо, но все зависит от тебя».

– Запомнила? – спросил мужчина. – Повтори еще раз! И ничего не перепутай!

Если это кастинг – снимают явно какой-то детективный сериал. Причем малобюджетный – сняли дешевое помещение в какой-то промзоне и на отделку не потратились.

Да, похоже, что все именно так и обстоит. Ну что ж, я сделаю то, что они просят, а потом уйду, узнав адрес. Сейчас не стоит рыпаться, а то они все здесь какие-то нервные.

Я повторила текст, стараясь не сбиться, но все же пропустила какое-то слово. Мужчина рассердился и прикрикнул на меня:

– Я сказал: слово в слово!

Я еще раз взглянула на текст и повторила его – на этот раз точно.

– Смотри ничего не перепутай! – повторил мужчина и крикнул куда-то за спину: – Начинаем!

Тут же в комнате появился длинноволосый парень в наушниках. Он подошел к стойке, включил освещение.

Яркий свет ударил по глазам, я зажмурилась.

Потом включилась камера, и мужчина проговорил вполголоса:

– Давай!

Я послушно отбарабанила текст. Яркий свет погас, я повернулась к режиссеру, чтобы наконец добиться от него объяснений, но он уже вышел, а ко мне снова подошла старшая женщина, взяла меня за руку, отвела в прежнюю комнату и

ушла, прежде чем я опомнилась и что-то успела у нее спросить.

Нет, это какой-то дурдом!

– Постойте! – Я устремилась за ней, подошла к двери, дернула за ручку – и убедилась, что дверь заперта. Постучала – но никто не отозвался.

Вот влипла!

Я огляделась.

На стуле висело мое пальто, лежала сумка. Я накинула пальто, взяла сумку в руки и снова постучала в дверь.

И снова безрезультатно. Вот интересно – дверь случайно закрылась или эта тетя сделала все нарочно? И какое право они имеют так со мной обращаться?

Я снова оглядела комнату – и увидела в углу еще одну дверь, на которую прежде не обратила внимания.

Открыла ее, предварительно прислушавшись, потому что как-то мне стало вдруг неуютно. Прошла сонная одурь, я встрепенулась, как будто выпила чашку крепчайшего кофе. И как-то мне не понравилось все, что со мной происходит. Люди какие-то подозрительные, обращаются со мной хамски… теперь вообще заперли. Нет, нужно отсюда убираться как можно скорее… Не вступать больше с ними ни в какие разговоры, просто сбежать, пока не поздно.

За маленькой дверью был крошечный санузел – раковина, зеркало, унитаз. Все было новое, чистое, только из магазина, но дешевое и простое, и казалось, что все это установили

здесь только вчера, кое-как, ненадолго. Ну ясно – жить здесь никто не собирается.

Все же я оглядела себя в зеркале и расстроилась – вид был измученный и несчастный, глаза красные, как у кролика.

Я достала косметичку и расческу.

И тут откуда-то сбоку донеслись едва слышные голоса.

Я завертела головой и увидела на стене слева от унитаза, чуть выше человеческого роста, пластиковую решетку вентиляции. Голоса доносились оттуда.

Я взобралась ногами на унитаз и извернулась, чтобы прижаться ухом к вентиляционной решетке.

Теперь голоса были слышны довольно четко. Разговаривали двое мужчин, и голос одного из них был мне знаком. Это был голос того человека, который командовал съемкой – не знаю, режиссер он или ассистент режиссера. Противный довольно мужик, грубый очень, но, может, у них в кино так принято?

– Думаешь, он согласится?

– А куда ему деваться?

– Может, он понял, что это не она?

– Не сомневайся! Она очень похожа, а он не видел ее несколько лет. Наверняка он купился.

– А что делать с этой девчонкой?

– А ты как думаешь? Она слишком много видела. Нужно от нее избавиться.

– Избавиться? То есть…

– Ну да! Очень удобно. Здесь промзо-она, можно так спрятать – никогда не найдут!

– А что, если он захочет еще раз ее увидеть? Другую ему уже не покажешь!

– Ну, тогда можно немного подождать, а пока отвезем ее на Обводный. От Ильиничны она не сбежит…

– Ладно, так и сделаем. Я пойду, нужно проверить почту, может, уже поступил ответ…

Голоса замолкли, а я стояла на унитазе в полной прострации.

Я просто не могла поверить в то, что сейчас услышала.

Эти двое… они наверняка говорили обо мне! Они решали мою судьбу! Они хотели меня убить и спрятать где-нибудь здесь, в промзоне… но потом решили пока оставить в живых, потому что я еще могу им понадобиться для их черных дел!

Нет, не может быть…

Да что я такое выдумала? Такие истории бывают только в кино, в криминальных сериалах! В настоящей жизни их не бывает!

Подумав о сериалах, я ухватилась за эту утешительную мысль. Ведь я уже решила для себя, что попала на кастинг такого сериала – так, наверное, эти двое тоже репетировали сцену…

И тут же я опустила себя с небес на землю.

Разговор, который я подслушала, был слишком буднич-

ный, слишком спокойный для сериала. Там бы в нем непременно звучал надрыв, фальшивый театральный пафос.

А эти двое разговаривали так спокойно и уверенно, как будто обсуждали покупки в супермаркете или меню ужина. Кроме того, один из собеседников, как я думала, был режиссером, а режиссеры не снимаются в своих фильмах…

И еще одно. Теперь понятно, почему меня заперли в этой комнате.

В общем, дело плохо. Не зря мне стало как-то не по себе еще до того, как услышала разговор.

Я попала в ужасный переплет, меня собираются убить – пусть не сразу, а через какое-то время, но собираются.

Нужно бежать, не тратя времени на рассуждения, потом подумаю, что это вообще такое было!

У меня есть крошечное преимущество – я узнала об их планах. Но что мне это дает?

Я спрыгнула с унитаза, выбежала в комнату, подергала дверь… разумеется, она была заперта.

Я снова обежала комнату, стараясь не стучать каблуками.

Здесь больше не было ни дверей, ни окон. Бетонная коробка без выхода…

Снова заглянула в санузел.

Здесь тоже не было окна, но за унитазом было что-то вроде шкафчика, точнее, просто дверца, за которой обычно прячут трубы, фильтры и краны.

Собственно, даже дверца – слишком громко сказано, это

была просто кое-как прилаженная доска из ДСП.

Я же говорила, что все здесь временное, дешевое, бутафорское. Почти картонное.

Я сняла доску без особых усилий и шума.

За доской действительно проходили трубы с вентилями, а за ними – еще одна такая же доска. Я толкнула ее вперед, доска провалилась в пустоту, и передо мной оказался темный туннель.

Выбора не было. Я с трудом пролезла в квадратную дыру, как смогла, приладила на место доску, чтобы преследователи не сразу догадались, куда я ушла. Впрочем, думаю, они очень скоро это поймут – больше мне просто некуда было деваться.

Теперь я оказалась в полной темноте.

Нашарив в сумке свой телефон, я включила его подсветку и осмотрелась.

Я была в темном бетонном туннеле, по стенам которого тянулись провода, кабели и трубы. Наверное, здесь проложены все коммуникации. Что тут раньше было – завод, фабрика? Во всяком случае, этого тут больше нет. А коммуникации остались.

Так или иначе, выбора у меня не было, и я пошла вперед по этому туннелю, подсвечивая дорогу телефоном. Время от времени я выключала его, чтобы экономить заряд, и шла в темноте. Благо туннель был прямой и с дороги не собьешься.

Так прошло несколько минут, и при очередном включении света я увидела впереди в стене круглый люк. Подошла

к нему, с трудом повернула ручку. Люк со скрипом провернулся – и откинулся. Из него потянуло сыростью и холодом.

Выбирать опять-таки не приходилось.

Я пролезла в люк, закрыла его за собой.

Теперь я была в совсем тесном туннеле, здесь нельзя было выпрямиться, и мне пришлось ползти. Очень мешало длинное пальто, но не бросать же его.

А еще здесь было очень холодно.

Я проползла несколько метров, как вдруг туннель резко пошел вниз. Я не успела затормозить и покатилась вниз, как в трубе аквапарка. Только это было не так весело.

Правда, спуск был недолгим, я упала на бетонный пол прямо перед железной дверцей, закрытой на обычный засов.

Я легко отодвинула его – и оказалась на улице.

На улице была ночь, на улице была метель. Но у меня опять же не было выбора – и я выбралась в эту зимнюю ночь.

Дыхание сразу же перехватило от холода, снежные хлопья облепили лицо, пролезли за шиворот. Я подняла воротник пальто и зашагала вперед – чтобы как можно скорее уйти из этого страшного места, от этих страшных людей… Каблуки скользили по обледенелой дороге.

Но все же лучше идти по зимней улице, даже в такую метель, чем покорно ждать, когда тебя убьют и зароют на территории заброшенного завода!

Так я шла десять минут, двадцать – и наконец почувствовала, что не слишком выиграла.

Может быть, меня здесь не убьют – но я сама умру от холода! Или свалюсь в какую-нибудь яму и переломаю ноги. И еще неизвестно, какая смерть ужаснее!

Телефон работал, но я по-прежнему не знала, где нахожусь, так что не могла вызвать такси…

И тут впереди сквозь мутную пелену метели проступили два тусклых пятна.

Эти пятна двигались – значит, это были фары машины…

Я бросилась навстречу этому свету и скоро увидела приближающийся автомобиль.

Это был скромный пикапчик с надписью на борту «Срочная доставка пиццы».

Я выбежала на дорогу, наперерез машине, и замахала руками, лишь бы она не проехала.

Тут мне пришли в голову все страшные истории о наивных девушках, которые садились ночью в машины незнакомцев. Такие истории рассказывала мне мама в воспитательных целях, да и не только она, и они сидели уже у меня в подкорке.

Но метель была очень убедительна, и я решила для себя: если в машине два человека – ни за что не сяду, а если один – так и быть. От одного я как-нибудь отобьюсь.

Пикап остановился.

Я заглянула в кабину.

Там сидел один человек, парень лет тридцати с круглым, добродушным, как у целлулоидного пупса, лицом и растре-

панными светлыми волосами.

Порыв ветра залепил в меня снегом, и я перестала сомневаться, потянула на себя дверцу и влезла в кабину. Машина тут же тронулась с места.

– Привет! – проговорил парень, оглядев меня боковым зрением.

– Привет! – ответила я, стуча зубами. – Хорошо, что я увидела твою… вашу машину, а то бы околела от холода!

– А как ты оказалась на улице в такую ночь?

– Ох, не спрашивай!

– Что, с парнем поссорилась?

– Ну до чего же ты догадливый!

– Да тут большого ума не надо. Как еще нарядно одетая девушка могла оказаться на улице в такую метель?

– Ну да, ты прав… – Я откинулась на спинку сиденья.

– Ну, если не хочешь об этом говорить – не надо.

– Честно говоря, не хочу.

– Твое право… это я так, для поддержания разговора. Езжу один, хочется с кем-нибудь поговорить…

Он замолчал, а меня передернуло – было все никак не согреться.

Водитель понял это и подкрутил регулятор печки. По ногам заструилось блаженное тепло. Ноги потихоньку оттаяли и заныли.

Я благодарно взглянула на водителя – и вдруг мне показалось, что сквозь его добродушную кукольную внешность,

как сквозь карнавальную маску, проглянуло на мгновение совсем другое лицо – опасное, подозрительное, коварное…

Да нет, это мне просто показалось. Этак у меня скоро разовьется паранойя…

Водитель озабоченно взглянул на меня, спросил:

– Ну что, согрелась?

– Уже почти…

– А то, хочешь, у меня горячий кофе есть.

Он свободной рукой достал откуда-то из-под сиденья термос, протянул мне:

– Нальешь сама?

– Конечно!

Мне вдруг страшно захотелось кофе. Я открутила крышку термоса, налила в нее дымящийся напиток.

Вкус кофе показался странным, немного непривычным, но я списала это на термос. Зато в желудке стало тепло, и это тепло распространилось по всему телу.

– Хорошо! – проговорила я благодарно, возвращая спутнику термос. – Спасибо!

– Не за что! Я по ночам работаю, и мне без кофе никак…

– А ты вообще как сюда заехал? Здесь ведь промзона, кто здесь заказывает пиццу?

– Да тут, в промзо-оне, есть какие-то офисы. Люди снимают помещения по дешевке, а есть всем надо… Хоть днем, хоть ночью.

То, как он произнес слово «промзона», с растяжкой на

второе «о», показалось мне странно знакомым.

Машина ехала среди темных корпусов, среди буйства метели. Меня вдруг начало неудержимо клонить в сон. Я потерла глаза, чтобы отогнать дремоту, и спросила:

– А ты сейчас вообще куда едешь?

– На базу, за новой порцией пиццы.

– Будешь какое-нибудь метро проезжать, высади меня…

– Ладно, так и сделаем.

И снова его слова, его голос показались мне странно знакомыми. Где-то совсем недавно я слышала этот голос и эти самые слова…

Я на мгновение провалилась в сон, с трудом вынырнула из него, встряхнула головой. Да что со мной происходит? Только не хватало заснуть в чужой машине!

На какое-то время мое сознание прояснилось.

В голове прозвучали последние слова водителя: «Ладно, так и сделаем…»

И тут я вспомнила, где и когда слышала этот голос и даже эти самые слова. Это было, когда я через вентиляцию подслушала разговор двух мужчин, которые решали мою судьбу. Решали, убить меня сразу и спрятать мой труп в промзоне или пока оставить в живых и отвезти на Обводный канал к какой-то Ильиничне…

Один голос принадлежал тому человеку, который руководил подозрительным «кастингом», а второй… ну да, это был голос вот этого парня, который сидел сейчас за рулем пика-

па! И я не придумала ничего умнее, чем самой сесть в его машину!

Я потянулась к ручке двери, чтобы выскочить на ходу, но руки уже не слушались, и сон, точнее, тяжелое беспамятство навалилось на меня тяжелой плитой…

Очнулась я от того, что кто-то тряс меня за плечо.

– Проснись! Приехали!

– Куда приехали? – пробормотала я, с трудом разлепив глаза. – Можно еще немного поспать?

– Там поспишь! – отозвался тот, кто меня будил. – Мне тебя нести неохота!

Я наконец подняла веки и разглядела круглое лицо целлулоидного пупса, светлые растрепанные волосы… я уже видела этого человека, но не могла вспомнить, где и когда.

С трудом я поднялась на ноги, сделала шаг, другой…

Он вел меня за плечо, осторожно подталкивал. Я еле переставляла ноги. Казалось, к ним привязаны чугунные гири.

Таким манером мы вошли в подъезд, зашли в решетчатую кабину старого лифта. Я едва не сползла на пол, ноги просто подкашивались. Кабина с дребезжанием поползла вверх, затем остановилась.

Мой спутник вывел меня из лифта, проволок по площадке, позвонил. Открылась обитая дерматином дверь, показалось жизнерадостное старушечье личико, похожее на печеное яблочко.

– Вот, Ильинична, жиличку тебе привел! – проговорил

мой спутник. – Из промзо-оны…

– Что-то она еле на ногах стоит!

– Кофейку моего выпила. Ну, уложи ее сейчас. Пускай у тебя поживет, только смотри – чтобы не сбежала!

– Не бойся, голубчик, у меня не сбежит! От меня никто еще не сбежал, не было такого!

Меня, как куклу, провели по коридору, ввели в полутемную комнату… больше я ничего не помню.

Я провалилась в глубокий сон без сновидений, как в бездонный колодец.

Проснулась я от громкого, хриплого голоса, который проорал:

– Вставай, пр-роклятьем… пр-роклятьем заклейменный!

Я вздрогнула и открыла глаза.

И тут же закрыла их, решив, что все еще сплю.

Потому что увидела перед собой огромный кривой клюв, круглый безумный глаз и растрепанный красный хохолок.

Тут снова раздался тот же хриплый голос:

– Весь мир-р голодных и р-рабов!

Нет, это явно не сон.

Я снова открыла глаза – и увидела большого яркого попугая, который сидел на спинке стула.

– Пр-роснулась, пр-роснулась! – проорал попугай и всплеснул яркими крыльями.

– И правда проснулась! – прозвучал рядом другой голос.

Я повернула голову – и увидела старушку небольшого роста с круглым морщинистым личиком, похожим на печеное яблоко.

– Вставай, деточка! – проговорила эта старушка сладким, как засахаренное варенье, голосом. – Кто рано встает, тому Бог подает! Тем более что уже совсем не рано.

– Кто вы? – спросила я непослушным со сна голосом. – Где я?

– Я-то? – переспросила старушка. – Можешь называть меня Ильинична. Меня многие так называют. А где ты? Это совсем простой вопрос. Ты, деточка, у меня.

Я потрясла головой. От этого простого действия в голове что-то щелкнуло и прояснилось, как будто свет включили.

И я тут же вспомнила свои вчерашние приключения… вспомнила, как попала на безумный кастинг, как с трудом сбежала с него, чтобы тут же сесть в машину к подозрительному типу с лицом игрушечного пупса. К типу, который собирался отвезти меня на Обводный канал к какой-то Ильиничне…

Ну вот, значит, и отвез.

Я поднялась, снова потрясла головой, подвигала руками, ногами и огляделась.

Я находилась в большой, старомодно обставленной комнате. Посредине этой комнаты был круглый стол, накрытый плюшевой скатертью в ромбах, у стены стоял полированный сервант, заполненный дешевой старой посудой в цветах и ко-

лосьях. Рядом с этим сервантом на стене висел красный вымпел, по которому золотом было вышито:

«Победителю соцсоревнования предприятий общественного питания Новослободского района».

А еще в комнате было два окна с широкими подоконниками, заставленными горшками с самыми диковинными растениями – кактусами, алоэ и какими-то вовсе незнакомыми.

– Весь мир-р насилья мы разр-рушим! – проорал попугай.

– Разрушим, разрушим! – примирительно проговорила старушка и протянула птице ладонь с горсткой семечек.

Попугай деликатно подобрал семечки с ладони, проглотил их и рявкнул:

– Кто был ничем, тот станет всем!

– Он раньше в райкоме партии работал! – пояснила старушка в ответ на мой взгляд. – Там научился!

– Сколько же ему лет? – удивилась я.

– Карлуше-то? – переспросила старушка. – Да молодой он еще, ему всего-то пятьдесят лет! Я его еще маленьким птенчиком помню!

Ильинична с ее попугаем показалась мне ничуть не опасной, скорее забавной. Я подумала, отчего меня привезли сюда.

А старушка тем временем поставила на стол старомодный латунный кофейник с гейзером и две чашки с серпом и молотом и предложила:

– Выпьешь кофейку?

Я вспомнила, как накануне выпила кофе из термоса и чем это кончилось – но кофе хотелось. В конце концов, посплю еще… терять мне все равно нечего…

Я согласилась и села к столу.

Кофе был горький и невкусный. Печенье, вазочку с которым поставила передо мной Ильинична, было жестким и сухим, как гипсокартон. Однако я все же выпила чашку, и ничего плохого со мной не случилось – даже немного приободрилась.

На кофейнике я заметила гравировку «За ударную работу от Новослободского райкома».

Чтобы подольститься к Ильиничне и усыпить ее бдительность, я спросила:

– Это вам подарили?

– Мне, мне! – ответила та радостно. – Я ведь тоже в райкоме работала. Там мы с Карлушей и познакомились…

– Тетя Тр-ряпа! – проорал попугай.

– Карл, угомонись!

– Убор-рщица! – не унимался Карлуша. – Р-работник тр-ряпки и ведр-ра!

– Ну да, я работала там уборщицей! – нехотя призналась старушка. – И что в этом плохого? У нас всякий труд почетен! Да, я работала там уборщицей, но при этом была идеологически выдержанной и морально устойчивой! Кроме того, какое у меня отчество правильное! За то меня и взяли. А какой там был буфет! А какой там был стол заказов! Хочешь

еще кофейку?

Я вежливо поблагодарила и отказалась.

– Ну, как хочешь…

Ильинична собрала посуду на расписной поднос (с теми же серпом и молотом) и вышла из комнаты.

Я решила, что нужно этим воспользоваться, и выскользнула за ней. Не сидеть же тут вечно. Погостила – пора и честь знать.

– Полундр-ра! – крикнул мне вслед попугай, но я не обратила на него внимания и, как оказалось, зря.

Я очутилась в полутемной прихожей. В темном углу неподалеку от входной двери, под портретом Карла Маркса, стояла рогатая вешалка, на ней висело несколько курток разной степени поношенности, среди которых я заметила свое пальто и сумку. Внизу, под этой вешалкой, стояли мои ботиночки.

Всунув в них ноги, я метнулась к двери…

Но в нескольких шагах от двери резко затормозила.

Перед дверью безмолвно стояла Ильинична. На плече у нее сидел попугай.

– Куда это ты собралась, деточка? – проговорила старуха своим медовым голосом.

– Домой, – ответила я чистосердечно. – Спасибо за гостеприимство, но только мне уже пора.

– Что значит «домой»? Я тебя что – отпустила? Мне люди поручили тебя здесь подержать, а я такая – на меня можно

положиться! Если мне поручили – я все сделаю!

Я насмешливо взглянула на Ильиничну. Бедная старушка явно переоценивает свои силы! Ей уже наверняка за восемьдесят, а туда же… держать меня будет…

Я шагнула к двери и проговорила:

– Лучше отойдите! Я стариков никогда не обижала, но если вы будете…

Договорить я не успела.

Каким-то непостижимым образом Ильинична оказалась у меня за спиной, причем она с удивительной для своего возраста силой заломила мою левую руку. Это было так больно и неожиданно, что у меня слезы брызнули из глаз.

– Отпусти, старая ведьма! – выкрикнула я и попыталась высвободить руку…

Но не тут-то было!

Паркет полетел мне навстречу, и через секунду я обнаружила себя лежащей на полу, а Ильиничну – сидящей на моей спине. Рука была по-прежнему заломлена и болела неимоверно.

Передо мной расхаживал Карлуша, он всплескивал пыльными крыльями и хриплым пиратским голосом повторял:

– Бр-раво! Браво, стар-руха!

– Отпусти! – повторила я, на этот раз жалобно.

– А будешь еще своевольничать?

– Н-не… не буду… – простонала я.

– Ладно, на первый раз, так и быть, отпускаю! Но запомни

– шаг влево, шаг вправо считается за побег! – проскрипела старуха и спрыгнула с моей спины.

Я перевела дыхание и поднялась.

– Хочешь еще кофейку? – как ни в чем не бывало спросила Ильинична.

– Да идите вы со своим кофейком! – огрызнулась я.

– Ну, ты как хочешь, а я еще выпью. После физических нагрузок всегда почему-то кофе хочется!

Она взяла меня за плечо (довольно деликатно) и подтолкнула обратно к комнате.

Я послушно вошла и села на прежнее место. Ильинична налила себе кофе из того же старинного кофейника и стала пить, втягивая его с противным чмоканьем.

«Чтоб ты подавилась, старая ведьма!» – подумала я и наклонилась низко, чтобы бабка не прочитала по лицу, что я о ней думаю.

– Да уж, работала я в райкоме всю жизнь! – пустилась старуха в воспоминания. – Вот там мы с Карлушей и познакомились! Его нам юннаты подарили. Карлушу, его ведь полностью зовут Карл Маркс…

В это время в прихожей раздался звонок.

– Ох ты, господи! – всполошилась Ильинична. – Это же клиентка пришла!

– Клиентка? – переспросила я удивленно.

– Ну да, клиентка! – Ильинична строго взглянула на меня. – Я ведь потомственная ведьма…

– Оно и видно! – фыркнула я.

– И нечего тут язвить и усмехаться! Я с гарантией снимаю и навожу порчу, снимаю сглаз, венец безбрачия… результаты убедительные и цены демократичные, так что если кому из твоих знакомых понадобится, можешь рекомендовать…

– Да, размечталась!

Я оживилась, в душе моей вспыхнула надежда. Если Ильинична будет сейчас заниматься клиенткой, ей будет не до меня и я смогу сбежать из ее квартиры. Кроме того, не станет же она винтить меня в присутствии постороннего человека…

Но Ильинична, видимо, прочла мои мысли, или ей то же самое пришло в голову. Так или иначе, она строго взглянула на меня и проговорила ледяным голосом:

– Помнишь, что я тебе сказала? Шаг вправо, шаг влево считается за побег со всеми вытекающими последствиями!

– Да-да, все помню! – отмахнулась я, думая, что смогу воспользоваться ситуацией.

– Думаешь, перехитришь меня? – Старуха склонила голову к плечу, на мгновение напомнив своего попугая. – Ну, ничего, Фрида за тобой присмотрит!

«Что еще за Фрида? – подумала я. – Она тут что, не одна?»

– Пошли! – Ильинична чувствительно подтолкнула меня в бок, вывела в коридор и подвела к двери, из-за которой доносились громкие ненатуральные голоса.

Она открыла эту дверь, втолкнула меня в комнату, вошла

следом.

В дальнем углу этой комнаты стоял включенный телевизор, на экране которого ругались две краснолицые растрепанные женщины. В глубине экрана сидели десятка два зрителей, которые увлеченно следили за скандалом.

А еще на коврике перед телевизором лежала собака – огромный, очень худой дог серо-стального цвета, который тоже внимательно следил за происходящим на экране.

– Вот она, Фрида! – проговорила Ильинична, с гордостью взглянув на дога. – Когда она родилась, я не разобралась, кто она – мальчик или девочка, и назвала его… ее Фридрихом Энгельсом. А потом, когда разобралась, пришлось называть Фридой. Ну, она тебя не выпустит! Хорошая собака, только очень уж всякие ток-шоу любит…

Ильинична окликнула собаку:

– Фрида!

Собака неохотно отвернулась от экрана и взглянула на хозяйку. На морде ее отчетливо читалось: «Что надо?»

– Фрида, стеречь! – проговорила Ильинична, показав на меня. – А я пойду, меня клиентка заждалась!

Фрида в ответ негромко рыкнула.

Ильинична вышла из комнаты, захлопнула дверь и громко проговорила прежним своим медовым голосом:

– Иду, дорогая, иду! В ванной была!

Собака снова повернулась к телевизору и уставилась на экран.

Я немного выждала.

Голоса в коридоре затихли. Я оглянулась на собаку и осторожно двинулась к двери.

Фрида негромко зарычала.

– Тихо, тихо, девочка, все нормально! – проговорила я примирительно и сделала еще один шаг к двери.

Собака бесшумно вскочила и в один прыжок оказалась между мной и дверью. Пасть ее приоткрылась, продемонстрировав полный комплект страшных зубов.

– Ты же хорошая девочка! – сказала я самым приветливым голосом, но это не произвело на Фриду никакого впечатления.

Надо сказать, что я, в принципе, не боюсь собак. Есть такие люди, как мужчины, так и женщины, у которых при виде больших собак начинается сердцебиение, они бледнеют, трясутся и могут даже упасть в обморок. Я к таким не отношусь. У меня в детстве даже была собака, большая кавказская овчарка по кличке Зежа, и я ее очень любила.

Мы с мамой жили скромно (на учительскую-то зарплату не разбежишься), так что большую собаку и не думали заводить. Но щенка нашли мальчишки из нашего двора прямо на дороге, кто-то выбросил из машины туго завязанный пакет, а оказалось – там месячный щенок. Я так просила его взять, что мама согласилась. Мы и не думали, что вырастет кавказская овчарка, да к тому же породистая, как потом сказали знающие люди. Так или иначе, Зежа прожила у нас больше

десяти лет. Потом она умерла, и новую мы уже не завели, потому что я заканчивала школу и собиралась уезжать. Но я часто ее вспоминаю и знаю, что собаки не нападают на людей без серьезной причины.

Но здесь причина была – хозяйка приказала Фриде стеречь меня, а приказ хозяина – это святое.

Я попятилась и вернулась на середину комнаты.

Фрида тут же успокоилась и улеглась на прежнее место перед телевизором.

Я вздохнула.

Сбежать будет не так легко, как я надеялась. Да еще волей-неволей придется слушать это ужасное шоу. Смотреть на экран мне не обязательно, а вот слушать придется.

Очень скоро я поняла, что две женщины в студии – это бывшие жены какого-то недавно умершего артиста, которые пытаются поделить его наследство. Одна была постарше, жилистая и худая как доска. Вторая – помоложе, пополнее, и была бы даже симпатичная, если бы не красная от злости физиономия и ужасно визгливый голос.

Слушая, как они орут друг на друга, я невольно посочувствовала покойному артисту. С первой он прожил пять лет, со второй аж девять выдержал. По всему видать, ангельского терпения был человек…

Фриду же это действо почему-то очень интересовало.

Я же попыталась узнать пределы своих возможностей.

Я подошла к окну – собака никак на это не реагирова-

ла, она продолжала следить за скандалом на экране. Пошла в другую сторону – тоже ноль внимания, спокойно смотрит свое шоу. Но стоило мне сделать хоть шаг в сторону двери – и она тут же с рычанием вскакивала и оказывалась на моем пути.

Значит, сбежать отсюда будет не так просто…

Я обошла всю комнату по периметру, не выходя за ту границу, которую охраняла Фрида. И в углу, противоположном от телевизора, увидела плотную занавеску.

За занавеской оказалась дверь.

Может быть, здесь – второй выход из комнаты? Странно, Ильинична не казалась такой легкомысленной…

Дверь была заперта, но замок был самый примитивный. Открыть такой можно обычной шпилькой или канцелярской скрепкой. Шпильки у меня не было – кто сейчас ими пользуется?

У меня волосы хорошо лежат сами по себе, то есть всегда так было, пока там, в этой чертовой промзоне, не смазали их гелем. Но в комнате я увидела свое пальто и сумку, бабка спрятала их сюда, чтобы не смущать клиентку.

Ну, тогда все в порядке! Я вытащила пилочку для ногтей, поковырялась ею в замке, и он открылся.

Но меня ждало разочарование.

За этой дверью оказался не выход, а всего лишь кладовка.

По двум ее стенам были полки, уставленные всякой бакалеей и банками с вареньем, а у задней стены притулился хо-

лодильник.

Надо же, Ильинична прячет продукты под замком!

Правда, я должна признать, что женщина она хозяйственная, полки в кладовке ломились от круп, макарон и прочих припасов. Что она – сделала запасы на случай ядерной войны?

А когда я открыла холодильник, то удивилась еще больше.

Он был забит едой, всякими деликатесами… чего здесь только не было – красная рыба, колбасы, ветчина, несколько сортов сыра, какие-то удивительные паштеты…

А к чаю подала какое-то несъедобное печенье! Вот выжига! Сама любит поесть, а гостей угощает какой-то дрянью! Впрочем, меня вряд ли можно считать гостем…

Тут я услышала за спиной негромкое поскуливание.

Я испуганно обернулась.

За спиной у меня стояла Фрида. Но взгляд у нее был не угрожающий, как прежде, а самый жалкий и умоляющий, и она не рычала, а жалобно поскуливала.

И я взглянула на собаку новыми глазами.

Конечно, она была большая, внушительная и грозная, но при этом на боках у нее проступали ребра, глаза слезились и были какие-то тусклые. И в них светилась мольба.

И тут до меня все дошло.

Фриду просто морят голодом!

Эта скупердяйка экономит не только на гостях, но и на собственной собаке! Вместо того чтобы накормить ее досы-

та, отвлекает ее, пичкает какими-то идиотскими телешоу! Может, надеется, что у собаки от такого безобразия аппетит пропадет? А у самой кладовка и холодильник под завязку наполнены всякими вкусностями!

Фрида снова заскулила, и из ее пасти стекла ниточка слюны, в глазах была мольба.

– Ах она зараза! – проговорила я с искренним возмущением. – Ну ничего, Фридочка, я тебя сейчас подкормлю!

Фрида, кажется, поняла мои слова. Она облизнулась и закрыла пасть, в глазах ее загорелась надежда.

Я достала из холодильника несколько аппетитных кусков ветчины, добавила к ним брусок сыра, разорвала упаковку красной рыбы и положила все это богатство перед холодильником.

Затем повернулась к Фриде, сделала приглашающий жест и проговорила:

– Угощайся, девочка!

Собака посмотрела на угощение, потом – на меня с немым вопросом, как будто не верила неожиданному подарку судьбы и сомневалась – может ли его принять.

– Ешь, ешь! – повторила я уверенно и открыла еще две баночки паштета из гусиной печенки.

Фрида смущенно потупилась, снова облизнулась и робко шагнула вперед.

Я добавила к угощению еще один большой кусок аппетитной телячьей колбасы и отступила в сторону.

Фрида без приглашения бросилась вперед и принялась за еду.

А я тихонько отступила, выскользнула из кладовки и быстро заперла за собой дверь…

Фрида, кажется, даже не заметила моего неожиданного бегства – из кладовки доносилось только довольное урчание и громкое сладострастное чавканье.

Я чувствовала себя предательницей – но у меня просто не было другого выхода. Кроме того, надо же подкормить бедную собаку! Она уже находится на грани истощения! А Ильинична сама виновата, нечего было морить Фриду голодом!

Я убедилась, что кладовка крепко заперта, и тихонько вышла из комнаты. В коридоре никого не было.

Проходя мимо второй комнаты, я прижала ухо к двери и прислушалась. Из-за двери доносился уверенный голос Ильиничны:

– Значит, так, деточка! Как твой Михаил Федорович у тебя ночевать останется – положи ему этот мешочек под подушку и трижды его перекрести…

– А что тут внутри? – испуганно осведомился другой голос. – Нет ли там яда или другого чего вредного?

– Что ты, деточка! Разве я тебе враг? Тут только хвостик мышиный, зуб покойника…

– Ужас какой!

– А еще прядка волос самоубийцы, щепотка крапивного

семени и сожженная страница из статьи Розы Люксембург «Женщина и революция»…

Я не стала дальше слушать эту увлекательную беседу, осторожно открыла дверь и выскользнула из квартиры.

Одним махом сбежала по крутой темной лестнице и оказалась в мрачном дворе-колодце, куда, наверное, солнце не заглядывает даже летом.

Я остановилась, чтобы сориентироваться и определить, куда двигаться дальше.

На первый взгляд выхода из этого двора не было.

Тут передо мной возникла какая-то подозрительная фигура. Бомж в страшных лохмотьях, с синяком во все лицо, с выбивающимися из-под вязаной шапки рыжими патлами и торчащим изо рта одиноким зубом, шел ко мне, вытянув вперед грязную руку, и бормотал сиплым простуженным голосом:

– Купи вещицу, барышня! Хорошая вещица, ценная! Купи, не пожалеешь!

Я отшатнулась от бомжа, боясь, что он до меня дотронется. Но он ловко обошел меня и снова преградил мне дорогу, невнятно бормоча те же слова. В руке его что-то блеснуло тусклым серебром, как маленькая рыбка на крючке рыболова.

Я опять отступила, брезгливо поморщившись, достала из кошелька купюру и пролепетала:

– На, возьми деньги! Только прошу тебя, покажи, где вы-

ход из этого двора.

Он ловко выхватил у меня деньги и громко, уверенно проговорил:

– Сатор арепо!

– Что? – переспросила я удивленно.

– Сатор арепо! – повторил бомж и показал грязным пальцем на обитую железом дверь в углу двора.

– Что это? – переспросила я, повернувшись к бомжу… но его не было на прежнем месте, и вообще не было во дворе, он словно провалился сквозь землю. А по двору, с боевым видом задрав хвост, шествовал большой рыжий кот с рваным ухом.

Я подумала бы, что бомж мне примерещился, но купюра из моей руки на самом деле пропала…

Я недоуменно пожала плечами и подошла к той двери, на которую показывал бомж.

Эта дверь, как я уже сказала, была обита заржавленным железом, на котором белой масляной краской одно над другим были выведены два непонятных слова: **SATOR AREPO**.

Ну да, эти же самые слова повторял тот бомж… но одно из этих слов я уже где-то видела…

Впрочем, сейчас мне не до воспоминаний. Мне нужно как можно скорее уходить из этого двора, пока Ильинична не обнаружила мой побег и не бросилась вдогонку.

Отложив эти размышления на потом, я толкнула дверь,

которая открылась на удивление легко.

Я оказалась в подъезде, где был лифт, лестница и еще одна дверь.

На этой двери был электронный замок, но изнутри он открывался простым нажатием кнопки.

Что я и сделала – и тут же оказалась на улице, точнее, в мрачном районе на набережной Обводного канала. Казалось, я перенеслась не только в другой район, но и в другое время, когда в этих местах жили герои Достоевского.

Мимо одна за другой проезжали машины – и я рискнула, подняла руку в понятном каждому жесте.

Конечно, останавливать случайную машину рискованно, но с такси я прошлой ночью тоже влипла, а сейчас все же белый день…

Две машины проехали мимо, третья остановилась – старенькая, не очень чистая.

Я увидела за рулем безобидного пожилого гастарбайтера – и села в машину.

– Куда едем, красавица?

Я недолго думала – и назвала свой адрес. Точнее, Ромин адрес – больше мне деваться было некуда.

На этот раз мы доехали без проблем.

Машина остановилась перед знакомым домом.

Я полезла в карман за кошельком – и случайно мне в руку попался какой-то незнакомый предмет.

Это была металлическая бирка, узенький жетон из сереб-

ристого металла. Я этот жетон никогда прежде не видела.

Хотя, впрочем…

Я вспомнила странного бомжа во дворе-колодце, вспомнила, как в его руке что-то блеснуло тусклым серебром…

Выходит, он все же сунул мне в карман свою вещицу…

Я внимательнее взглянула на жетон.

Похожие жетоны носят на шее солдаты в кино, на них обычно выбиты какие-то цифры – личный номер, что ли.

Но на этом жетоне не было цифр, вместо них было выгравировано странное слово: **AREPO.**

Это было одно из тех слов, которые бормотал бомж. Одно из слов, намалеванных масляной краской на железной двери.

И тут я вспомнила, где еще видела это слово.

Я вспомнила минувшую страшную ночь, вспомнила, как таксист высадил меня посреди промзоны, посреди метели, сквозь которую смутно проглядывала красноватая вывеска. Как огромный красный светящийся глаз затаившегося в метели чудовища.

Я пошла на эту тускло светящуюся вывеску как на единственный признак человеческого присутствия в этом безжизненном, пустом, безлюдном районе, в этой снежной ночи – и когда я подошла достаточно близко, чтобы различить красные светящиеся буквы – я прочла то же самое слово: AREPO.

Сейчас, посчитав, что на свете существует множество необъяснимых вещей, я только пожала плечами.

КАМЕНЬ

– Господин! – Финикийский раб, смуглый темноволосый юноша с темными оленьими глазами, торопливо вошел в перистиль и окликнул своего хозяина: – Господин, нужно уходить!

Марк Сульпиций, худощавый патриций с тяжелым подбородком, стоял возле каменной плиты, расчищая ножом проступающую на ней неразборчивую надпись.

Он неохотно оторвался от своего занятия, повернулся к юноше:

– О чем ты говоришь, Памлоний?

– Большая гора дымится! Госпожа Валерия, супруга Клавдия Нумидия, виноторговца, еще вчера говорила, что нас ждет большая беда! Господин, нужно уходить!

– Госпожа Валерия та еще пророчица… – отмахнулся хозяин. – Если верить всему, что она говорит…

– Но господин, все ваши соседи уже покинули свои дома! Все ждут ужасного землетрясения! Все говорят, что большая гора, которая спала тысячу лет, просыпается…

– Все говорят, все говорят! – раздраженно перебил его хозяин. – Нельзя слушать то, что говорят на базаре! Если большая гора ждала тысячу лет – она подождет еще немного! Разве ты не видишь, что я занят? Я нашел на этой плите древнее заклинание, которое принесет мне власть и

славу!

– Господин, но только взгляните на гору…

Марк Сульпиций невольно взглянул туда, куда указывал ему финикиянин.

Двойная вершина Везувия и правда курилась, над ней поднимался черный дым, окрашивая виноградники на склонах горы в мрачные, трагические цвета. Дым на глазах становился гуще и темнее, вот в глубине его вспыхнул багровый сполох…

– Я всегда успею уйти! – проворчал Марк Сульпиций. – Позови лучше Филиппа! Я хочу показать ему эту надпись!

Филипп был греческий раб, образованный и умный, который ведал библиотекой Марка Сульпиция.

– Но, господин… – замялся финикиец.

– Что такое? Что ты мнешься? Я велел тебе всего лишь позвать Филиппа!

– Но, господин, Филипп ушел.

– Что значит «ушел»? Куда ушел? Почему?

– Он ушел из города. Он тоже боится гнева большой горы…

– Он ответит мне за своеволие! Пошли за ним слуг! Вели догнать его! Вели вернуть!

– Господин, все слуги тоже ушли… убежали. Господин, вам тоже нужно уходить!

– Все с ума посходили!

– Господин, уходите, пока не поздно!

Над вершиной Везувия полыхнуло багровое пламя. Черное облако стало еще больше, оно развернулось, как траурное знамя, и поплыло в сторону города.

– Глупости, – проворчал Марк Сульпиций. – Уйти я всегда успею…

Он снова склонился над плитой, принялся скрести ее ножом.

Буквы одна за другой проступали на камне.

SATOR AREPO…

Марк Сульпиций принялся за следующее слово.

В воздухе закружились черные снежинки. Одна из них упала на щеку патриция. Он смахнул ее рукой, крикнул, не отрываясь от своей работы:

– Памлоний! Принеси мне вина!

На его призыв никто не отозвался. В доме царила тишина. Зато со стороны Везувия доносился приглушенный рокот, похожий на рычание огромного зверя.

– Все сбежали! – проворчал Марк Сульпиций. – Жалкие трусы! Идиоты! Ну ничего, я без них прекрасно обойдусь. Я прочту это древнее заклинание – и обрету такую власть, какая им и не снилась… власть бо́льшую, чем у императора!

Он еще поработал ножом – и на плите проступило следующее слово. Теперь можно было прочесть:

SATOR AREPO TENET…

Небо над головой Марка Сульпиция еще больше потемне-

ло, как будто раньше времени наступили сумерки. Черные снежинки падали все гуще и гуще, они уже покрыли землю толстым слоем.

Патриций покосился на черные небеса. Густую мрачную тучу то и дело прорезали молнии. Ему показалось, что он увидел в туче страшное, перекошенное гневом лицо. Лицо жестокого, мстительного божества.

Он отвернулся и с новой силой принялся расчищать плиту.

Стало тяжело дышать, воздух стал горячим и горьким, как в серных банях. Откуда-то сзади донесся грохот.

Патриций испуганно оглянулся – и увидел, что недалеко от него упал с неба большой черный камень, разбив мраморного купидона.

Марк Сульпиций спешил. Надпись на плите постепенно проступала, буква за буквой.

Наконец он смог прочесть еще одно слово.

SATOR AREPO TENET OPERA…

Сердце Марка Сульпиция забилось от волнения. Он много слышал об этом древнем заклинании, слышал, что в нем скрыта древняя могущественная тайна. И вот оно перед ним… еще немного… осталось расчистить последнее слово – и он может прочесть его, может понять, какая сила в нем скрыта.

Но не опоздал ли он?

Может быть, раб был прав и нужно было бежать из го-

рода, пока не поздно?

Он прочел надпись еще раз. Он слышал, что это заклинание симметрично, как отражение в зеркале. Тогда последнее слово можно узнать, перевернув первое. Он прочел фразу снова – от конца к началу.

Но все же нужно расчистить плиту до конца…

Марк Сульпиций спешил, как будто от этой работы зависела его жизнь. Он почти закончил расчищать плиту, когда у него мелькнула неожиданная мысль. Кажется, он близок к разгадке тайны этого заклинания…

Все дело в том, что…

Додумать эту мысль до конца он не успел.

С небес упал еще один черный камень – и разбил его голову.

Кровь Марка Сульпиция обагрила плиту с расчищенной надписью…

Послышался удар грома – и в этом грохоте, казалось, можно было расслышать голос, который громко произнес:

SATOR AREPO TENET OPERA ROTAS…

В квартире, где мы худо-бедно прожили с Ромой почти два года, никого не было.

Ну да, сегодня будний день, Рома на работе. Хоть с этим повезло.

В квартире был ужасающий беспорядок, когда только он успел это устроить? В прихожей валялись грязная обувь и Ромина куртка с оторванной вешалкой. В комнате тускло бе-

лела незастеленная постель и были вывалены на пол все вещи из шкафа.

На кухне пахло горелым, и на полу я увидела лужу коричневого цвета. Все ясно: пролил кофе.

Ромка проспал, ведь сегодня никто не будил его в срок. И кофе никто не заваривал и не подкладывал чистую рубашку.

Я представила, как он мечется по квартире, чертыхаясь и натыкаясь на мебель, и немного приободрилась.

Все, голубчик, теперь всегда так будет, потому что я тут больше не останусь ни за какие коврижки. Разве что Ромка найдет себе какую-нибудь дуру, но это вряд ли. Вряд ли его квартира будет действовать на кого-то другого, а ведь это – главная причина, отчего я продержалась так долго. Но всему есть предел.

Прежде всего я с отвращением скинула грязную одежду и решила принять душ.

Забыла сказать, за эти два года мне удалось убедить Ромму сделать в квартире кое-какой минимальный ремонт и перепланировку, так что ванная была теперь попросторней и влезла туда приличная душевая кабинка.

После душа жизнь показалась не то чтобы сносной, но не такой противной.

Еды в доме не было никакой – вчера я не успела сходить в магазин, потому что занималась подготовкой к походу в ресторан.

Вот черт меня дернул согласиться! Ведь не хотела же ид-

ти, так надо было послать Ромку подальше с его корпоративом. Все равно ничего хорошего из этого не вышло.

Я с грустью взглянула на пальто, брошенное в прихожей. После всех моих ночных приключений оно годится только на помойку. Жалко, может, все же в химчистке сумеют что-то сделать?

Затем я позвонила тому человеку, который обещал сдать мне квартиру. Он ужасно извинялся и невнятно бормотал, что ремонт не закончен, что еще пару дней – и все будет сделано, что он не виноват, это мастера задерживают.

Мне хотелось заорать, что я не могу ждать два дня, что меня тошнит от Ромки с его хамством, я еле удержалась, сообразив, что незачем вмешивать постороннего человека в свои проблемы. Еще подумает, что я скандалистка, и вообще откажет от квартиры.

Ладно, перетерплю, а пока вещи соберу не торопясь.

И только я вытащила чемодан и стала складывать туда белье и одежду, как в дверях заскрипел ключ.

Я поскорее запихнула чемодан за шкаф и выскочила в прихожую.

На пороге стоял Рома (кому еще и быть-то?) и удивленно таращился на меня.

– Это ты? – спросил он.

– Ага, а ты думал кто? – ответила я в таком же духе.

– А где ты была всю ночь?

– Не твое дело! – ответила я.

Не то чтобы мне хотелось с ним ругаться, просто раз я решила уже с ним расстаться, то незачем теперь сглаживать углы. Ромино хамство надоело мне хуже горькой редьки, а вспомнив про вчерашний скандал, я совсем озверела.

В конце концов, все мои неприятности только из-за него. Если бы Ромка не разорался вчера и не начал обзывать меня разными словами, я бы не ушла, не села в такси и так далее…

С другой стороны, начнет он опять орать, я не спущу, дойдет до драки, а Рома не в моей весовой категории, хоть и похудел порядочно. Так что я решила не заедаться.

– А ты чего сегодня так рано? Головка после вчерашнего болит?

– Ой, у нас Ленку убили!

– Чего? – оторопела я. – Какую еще Ленку?

– Ленку Мухину, она в отделе рекламы работала! Представляешь, кто-то задушил ее прямо в туалете!

– Да ты что несешь-то?

– Точно, полиция приезжала. Нашла ее Нина Ивановна, бухгалтер. Ох, там крику было! Ее саму чуть в больницу не отправили с сердечным приступом.

– Задушили ее, говоришь? Ну и ну!

– Не веришь мне, что ли? – мгновенно разозлился Рома. – Что я – врать про такое буду?

Тут он прав, про такое не придумаешь и не соврешь.

– Нина Ивановна рассказывала, что дверца кабинки открыта и Ленка лежит вся синяя, и язык вывален… ужас! –

Рома передернулся.

– Ну и что полиция говорит? Нашли они убийцу?

– Да никого не нашли, опрос проводили, кто ее последний раз видел, да кто с ней общался, да кто с ней ссорился, да с кем она поругалась накануне…

И хоть, неохотно выговорив это, Рома отвел глаза, я сразу поняла все по его голосу. Все же худо-бедно прожили мы вместе почти два года, так что я достаточно его изучила. И теперь я поняла, что Рома ужасно чего-то боится. Ясно чего – расспросов полиции.

– Постой-постой… – с трудом я притушила в собственном голосе самое настоящее злорадство, – эта Ленка… уже не та ли девица, с которой ты обжимался вчера в коридорчике?

Ну так и есть! Потому что Рома поглядел на меня с такой ненавистью, что я даже попятилась и схватила старый зонтик, валявшийся под вешалкой. Не бог весть какое оружие, но на крайний случай сгодится!

– Ну да… – Рома вдруг сдулся, как проколотый шарик, – только зачем мне ее душить? И вообще у меня алиби, я целый день из комнаты не выходил, меня все видели.

Это точно, Рома как сядет за компьютер – так не встает несколько часов, оттого он такой толстый. Но с другой стороны – там-то, в офисе, гамбургеры ему никто под нос не подсовывает?

– Что же ты тогда так переживаешь, если у тебя алиби?

– Потому что никого постороннего в офисе не было! Ку-

рьер только приходил, но внизу документы отдал и пошел себе. А вчера… та же бухгалтерша нас видела…

– Кого это – нас? Нас с тобой?

– Да нет…

– Ага… значит, после того как я ушла, ты решил, что самое время теперь развлечься. Избавился от своей спутницы и на свободе приударил за этой Мухиной, так?

– Да ничего такого и не было… – забормотал Рома.

– Она тебя послала! – развеселилась я. – Она тебя послала далеко и надолго! Она тебя сразу же послала, оттого ты на меня так разорался. У тебя, Ромочка, развилась мания величия, ты думаешь, что ты такой неотразимый и неповторимый, а это не так. Никому ты особо не нужен. И мне, кстати, тоже.

– Вот как раз о тебе. – Рома сложил руки на груди и уставился на меня прокурорским взглядом: – Где ты была всю ночь?

– Это тебя не касается, – отмахнулась я.

– Да? А в полиции спросят! Потому что я молчать не буду!

– Да с чего полиция станет мной интересоваться? Я у вас не работаю и эту Мухину раз в жизни видела, и то мельком!

– А может, ты на нее затаила, что мы с ней…

– Что – вы с ней? – разозлилась я. – Она тебя послала, я видела, так с чего мне ревновать?

Однако я забеспокоилась. С этого паршивца станется сдать меня полиции, чтобы перевести стрелки. И мне при-

дется рассказывать, где я провела ночь? Да кто же мне поверит!

– Сам же говоришь, что в офисе никого постороннего не было, – сказала я, – как бы я могла ее убить?

– Ну да, курьер только приходил, и пиццу кто-то заказывал.

– Пиццу? – Я вспомнила водителя машины по развозке пиццы, у него еще лицо пластмассового пупса.

– Есть что пожрать? – Рома тоже вспомнил про пиццу.

– Отстань, закажи что-нибудь! Только не пиццу!

Разумеется, он разорался. И начал перечислять все мои недостатки – настоящие и придуманные.

Я послала его подальше, тут как раз и еду принесли.

Съев ужасающее количество суши и роллов, Рома не то чтобы подобрел, но утомился.

Спать мы легли в разных комнатах, для этой цели была у меня старая раскладушка.

Перед сном я подумала, что больше не выдержу и уйду завтра. Позвоню хозяину квартиры и слезно умолю пустить меня хоть куда – хоть на кухню, хоть в прихожую. Потому что так жить больше нельзя…

Около мрачного бетонного корпуса в промзоне остановился синий пикап с надписью на борту «Доставка пиццы».

Из пикапа вышел парень с круглым кукольным лицом и светлыми растрепанными волосами. В руках у него была

плоская картонная коробка, в каких развозят пиццу.

Он подошел к железной двери, над которой тусклым красным светом горело странное слово «AREPO», нажал на кнопку звонка.

– Кто? – лаконично спросил динамик.

– Доставка пиццы!

Замок щелкнул. Дверь открылась. Доставщик пиццы вошел в коридор, прошел по нему, остановился возле очередной двери.

В это самое время дверь распахнулась, на пороге появился человек в темном костюме с прижатым к уху мобильным телефоном.

– Да, я все понял! – проговорил он в трубку. – Перезвоню вам, как только что-то узнаю…

– Пиццу заказывали? – Парень с кукольным лицом протянул ему коробку. – Еще горячая!

– Отлично! Проблем не было? – С этими словами мужчина в костюме взял коробку, открыл ее.

Поверх горячей пиццы лежал пластиковый конверт с несколькими фотографиями. На верхнем снимке было женское лицо с выпученными бессмысленными глазами, с безвольно открытым ртом, из которого сбегала струйка слюны.

– У меня никогда не бывает проблем! – самоуверенным тоном ответил парень с кукольным лицом. – Оставшуюся часть денег переведете на тот же счет…

– Постой… – Мужчина в темном достал из конверта сним-

ки, перебрал их. – Постой, здесь что-то не то…

– Что значит – не то? – Кукольное лицо нахмурилось. – Все чисто, никаких следов, никаких свидетелей…

– Никаких следов! – передразнил его заказчик. – Мне кажется, это вообще не та женщина!

– Что значит «кажется»? – забеспокоился пицца-мэн. – Вы дали мне ее координаты, я выполнил заказ… и потом – она здесь мертвая, задушенная, ее трудно узнать…

– Помолчи! – Мужчина в темном крикнул куда-то в пространство у себя за плечом:

– Лидия Семеновна, подойдите!

В конце коридора хлопнула дверь, появилась женщина прилично за сорок в коротком розовом халате.

Подошла, недовольно хмурясь.

– Лидия Семеновна, взгляните на эти фотографии!

Женщина бросила взгляд на снимки – и тут же попятилась:

– Мы же договорились – я ничего не знаю о ваших делах! Сколько можно повторять! Не знаю и не хочу знать!

– Не знаете, не знаете! – раздраженно перебил ее мужчина в темном костюме – Вы только скажите – та это женщина или не та. Вы ведь ее гримировали, значит, хорошо разглядели.

– Я ее не гримировала! – отрезала женщина.

– То есть как не гримировали? А кто же ее гримировал?

– Я что – неясно выразилась? Я гримировала совсем другую женщину, а эту вообще первый раз вижу! У этой волосы

светлые, ей парик был нужен, а у той – свои рыжие, отличный цвет, каштановый оттенок, не всякой краской такой насыщенности добьешься!

Женщина вернула снимки и вскинула голову:

– Если ко мне больше нет вопросов, я пойду. У меня много дел. Меня ждут клиенты…

– Да, конечно… – Мужчина в темном повернулся к пицца-мэну:

– Ты понял? Лидия Семеновна в таких вещах не ошибается! Ты убрал не ту женщину!

– Какую вы заказали – ту и убрал!

– Я что – непонятно выражаюсь? Ведь ты, между прочим, вез ее на Обводный, откуда она, кстати, сбежала…

– А вот это вообще не ко мне! Я ее передал с рук на руки Ильиничне, а что она ее не устерегла…

– Я вообще не о том! Ты вез ее через весь город, значит, вполне мог разглядеть!

Круглолицый парень немного поскучнел, видимо, понял, что в этих словах есть доля правды. Однако он не сдался:

– Я ее видел ночью, в темноте, а самое главное – она была в гриме… над ней ведь Лидия Семеновна поработала, а она людей так изменяет, что родственникам не опознать…

– Ладно, не будем препираться, не будем выяснять, кто прав, кто виноват. Просто доведи дело до конца. Тогда и получишь остальную часть денег…

Утром я нарочно спала долго, чтобы не столкнуться с Ромой на кухне. Сквозь сон слышала, как он нарочито громко топал по квартире и чертыхался. Наконец дверь хлопнула, и я решила, что пора вставать. Учеников сегодня у меня нет, так что есть время собрать вещи и прибраться в квартире на прощание. А потом уйти пораньше, чтобы не встречаться с Ромой и не выяснять отношений. Так будет лучше для всех.

Я выволокла чемодан на середину комнаты и машинально включила телевизор.

Ну да, с некоторых пор у нас есть телевизор. Его привез как-то Ромин отец, сказал, что они себе купили большой, плазменный, с экраном во всю стену, а этот маленький девать некуда, не выбрасывать же. На мой взгляд, и эта пластиковая панель была великовата, но дареному коню, как говорится…

Вообще почти за два года я видела Роминых родителей всего пару раз. Очевидно, он так надоел им своим разгильдяйским поведением, что как только они съехали – так и забыли, что у них есть сын.

Помню, его мама приехала как-то и удивилась, глядя на меня, очевидно, не ожидала, что у сына окажется такая симпатичная девушка (это она потом мне сказала на кухне).

А когда увидела, во что я превратила квартиру, то едва не прослезилась. Потом уверилась, что ее сыночек в надежных руках, и вообще прекратила все общение.

Телевизор мы с Ромой не смотрим. Но им иногда пользу-

емся для двух целей – либо подключаем его к компьютеру, чтобы посмотреть какой-нибудь фильм на большом экране, либо выясняем, какая за окном погода.

Вот и сейчас я включила телевизор, чтобы увидеть градусник в нижнем углу экрана.

Увидела, расстроилась, поскольку снова был мороз, и хотела уже выключить телевизор, но вдруг замерла от удивления.

На экране показывали фотографию молодой женщины.

Это лицо сразу же показалось мне знакомым, а приглядевшись повнимательнее, я поняла, где видела его.

Не саму эту женщину, а фотографию.

Почти такая же фотография, как та, которая сейчас занимала весь экран, была прикреплена к зеркалу в той странной комнате в промзоне, где я оказалась прошлой, точнее, уже позапрошлой ночью. Лицо на фото еще тогда показалось мне немного похожим на мое собственное, а две женщины, которые занимались моей внешностью, явно постарались еще увеличить это сходство. И это им вроде удалось.

Они еще волосы мои хвалили – дескать, парика не нужно, цвет подходящий. И правда, волосы у меня темно-рыжие от природы, уж не знаю, в кого, точно не в маму. А у этой девицы, что на фотографии, наверное, крашеные.

Я увеличила громкость передачи.

Лицо на экране исчезло, вместо него появилась бойкая журналистка, которая затараторила:

– Вы видели сейчас Марию Войтенко, дочь известного промышленника и коллекционера Андрея Войтенко. Несколько дней назад Мария приехала в нашу страну из Лондона, где она учится в одном из престижных колледжей. Сразу по возвращении она дала короткое интервью нашему собственному корреспонденту…

На экране появилось качающееся, неустойчивое изображение большого черного автомобиля, к которому торопливо шла высокая рыжеволосая девушка в сопровождении здоровенного детины в черной куртке, видимо, телохранителя. К девице подскочил шустрый худощавый парень с жестким ежиком волос, быстро заговорил:

– Не могли бы вы сказать несколько слов для нашей передачи? Наши зрители хотели бы…

Девушка повернулась к репортеру и скучным голосом сказала:

– Отвянь, мальчик!

Тут же на репортера двинулся телохранитель и грубым голосом проговорил:

– Ты чего-то не понял?

На этом видеосюжет закончился.

«Ну, если это можно назвать интервью…» – подумала я.

На экране тем временем снова показалась прежняя журналистка. Ничуть не обескураженная краткостью «интервью», она уверенно забарабанила:

– Больше никому из представителей прессы не удалось по-

говорить с Марией. И вообще, после возвращения из Лондона ее никто не видел. Но из достоверного источника мы получили сведения, что дочь Андрея Войтенко похищена неизвестными злоумышленниками…

Изображение на экране снова сменилось.

Теперь там была женщина в темном платье с белым воротничком, лицо которой было закрыто мутным белесым пятном.

Ну ясно, этот «достоверный источник» – кто-то из прислуги в доме олигарха…

– Машенька… Мария Андреевна и всего-то два дня у нас пожила… – проговорил «источник» гнусавым, словно простуженным голосом. – Как приехала из Лондона – так к нам…

Женщина всхлипнула, высморкалась и продолжила:

– А на третий день взяла машину и поехала, сказала – покататься. Дима, охранник ее, сказал, что одну ее ни за что не отпустит. Она сердилась очень, но все же позволила ему сесть за руль. А потом… примерно через два часа… нам позвонили из дорожно-патрульной службы и сказали, что машина разбилась и сгорела… и там, в этой машине, нашли обгорелый труп. Этот труп точно опознали – это был Дима, охранник и водитель. А Машенька… Мария Андреевна… исчезла… исчезла бесследно…

И женщина безутешно разрыдалась, на чем и закончилось ее короткое интервью. И даже мне было совершенно ясно,

что рыдания у тетки наигранные.

Вот что ей за дело до хозяйской дочери, которую она и видела-то всего два дня? Впрочем, вполне возможно, что рыдала тетя по себе самой, поскольку после ее выступления в новостях хозяин ее точно уволит, и то, что лицо она скрыла и голос нарочно гнусавым сделала, его не обманет. Вычислит он ее в пять минут и выгонит с треском. Я бы на его месте так и сделала.

А на экране снова появилась бойкая журналистка:

– Кроме того интервью, которое вы только что видели, у нас имеются показания еще одного человека, близкого к дому Андрея Войтенко и пожелавшего остаться неизвестным. По сведениям этого источника, с самим Войтенко в тот же день связались похитители. Однако предъявленные ими требования неизвестны. Мы попытались поговорить с Войтенко, но он наотрез отказался от разговора…

«Не удивительно, – подумала я. – Им скажи два слова, они из этого такое раздуют…»

Передача закончилась.

Я выключила телевизор и задумалась.

Теперь хотя бы часть моих ночных приключений стала понятна.

Меня постарались загримировать под Марию Войтенко, чтобы предъявить ее отцу какие-то требования. Какие именно – я не знаю, но сейчас не о том речь. Им понадобилась другая девушка. А что это значит?

Это значит, что самой Марии у тех людей нет.

Либо они ее случайно убили при похищении, либо… либо похитили девушку другие люди. А те, к кому случайно попала я, не имеют к похищению никакого отношения, но, опять же случайно, узнали о нем и решили воспользоваться удачно сложившейся ситуацией. Нагреть руки и половить рыбку в мутной воде. Нажиться, в общем, на чужом горе. (Говорила уже, что даже в мыслях использую иногда старорежимные обороты, это у меня мамино.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.